

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 3(116)

Май-Июнь

Москва
2026

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.),
Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Газетов В.И. (к.и.н., профессор), Комиссаров С.Н. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Рожкова Л.В. (д.соц.н., профессор) Гузенина С.В. (д. соц. н.) Коростелева Л.Ю. (к.соц.н.)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2026. – Вып. №3(116). – 106 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 30.09.2025 года, ISSN 2072-6015.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))

The editorial board

Marshak A.L. (Chief Editor, Ph. D., Professor), Gorbunov A.A. (the first Deputy Chief Editor, D. P. N., Professor), Sergeev V.K. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences), Anisimova T. G. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences, professor), Evlaev A.N. (Executive Secretary, Candidate of Political Science, Associate Professor), Gazetov V.I. (Doctor of Historical Science, Professor), Komissarov S.N. (Ph.D., Professor), Ksenofontov V.N. (Doctor of Philosophy, Professor), Rozhkova L.V. (Doctor of Social Sciences, Professor) Guzenina S. V. (Doctor of Sociological Sciences) Korosteleva L.YU. (Doctor of Sociological Sciences)

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2026. – Edition 3(116). – 106 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 30.09.2025, ISSN 2072-6015.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT (MIIT))

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Академии базовой подготовки РУТ (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Иванов В.Н. Главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН
Почетный доктор Института социологии РАН
почетный член Российского общества социологов (российское общество социологов)
доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, Член Правления Российской ассоциации политической науки (РАПН)

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор

Кравченко С.А. доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член союза писателей России

Миронов А.В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член союза писателей России

Нарбут Н.П Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, академик РАО, член общественного редакционного совета, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Голенкова З.Т.

доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Шабров О.Ф.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

Шувакович Урош

Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Basic Training Academy RUT (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor

Kravchenko S.A.

Doctor of Philosophy, Professor, member of the Union of Writers of Russia

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L.

Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P.

Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N.

Doctor of Philosophy, professor, member public editorial board, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A.

Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Golenkova Z.T.

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Shabrov O.F.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

Shuvakovich Urosh

Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- ЕВЛАЕВ А.Н.
ЧЕБОТАРЁВ А.И.** Международный транспортный коридор «Север—Юг» как инструмент внешней политики Российской Федерации.....12
- НИКЛАУС А.А.** Политическая консолидация и региональное развитие: российский федерализм после 2000 года.....21
- ТЕРЕНТЬЕВ В.А.** Рыночная и приватизационная модель инфраструктурной политики государства.....32
- ШАБЕЛЬНИКОВА Е.Н.** Российские общенациональные ценности как основа благополучия человека: эволюция содержания41

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- КАРИМОВА Л.Ф.
КОСМАЧЕВА Е.В.
МИРЯЕВА А.Ф.
ПОПОВА Д.В.** Формирование толерантной среды в вузе как условие успешной адаптации иностранных студентов.....53
- МАНОВА М.В.
ИВАНОВА Т.Н.
ЯРЦЕВА У.В.** Оценка вовлеченности в государственную молодежную политику студентами регионального опорного вуза.....61

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

- ИВАНОВА Т.Н.
ИВАНОВ С.М.
СЕМЕЧКИН С.С.** Музыка как эмоциональный ресурс социальной идентификации в молодежной среде.....69

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- РОЖКОВА Л.В.
ДУБИНА А.Ш.
ФЕДОРОВ Я.В.** Волонтерские объединения как фактор развития гражданской активности молодежи Пензенской области.....83

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

КОМОЛОВ О.Е.	Социальный аспект управления развитием жизнестойкости людей с ограниченными возможностями.....	91
КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....		100
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....		102

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

<i>EVLAEV A.N. CHEBOTARYOV A.I.</i>	The North-South international transport corridor as a tool of the Russian Federation's foreign policy.....12
<i>NIKLAUS A.A.</i>	Political consolidation and regional development: Russian federalism after 2000.....21
<i>TEREVITIEV V.A.</i>	Market and privatization model of state infrastructure policy.....32
<i>SHABELNIKOVA E.N.</i>	Russian national values as the basis of human well-being: evolution of content.....41

SOCIOLOGY OF EDUCATION

<i>KARIMOVA L.F. KOSMACHEVA E.V. MIRYAEVA A.F. POPOVA D.V.</i>	Formation of a tolerant environment at the university as a condition for successful adaptation of international students.....53
<i>MANOVA M.V. IVANOVA T.N. YARTSEVA U.V.</i>	Assessment of students' involvement in state youth policy at a regional reference university.....61

SOCIOLOGY OF YOUTH

<i>IVANOVA T.N. IVANOV S.M. SEMECHKIN S.S.</i>	Music as an emotional resource for social identification among youth.....69
---	---

REGIONAL SOCIOLOGY

<i>ROZHKOVA L.V. DUBINA A.SH. FEDOROV YA.V.</i>	Analysis of the impact of youth units on the social activity of youth in the Penza region.....83
--	--

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

<i>KOMOLOV O.E.</i>	The social aspect of managing the development of resilience in individuals with health-related disabilities.....91
----------------------------	--

CONFERENCES. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....100

RULES OF PUBLICATION.....102

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ЕВЛАЕВ Андрей Николаевич
кандидат политических
наук, доцент, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
evlaev@ya.ru

EVLAEV Andrey Nikolaevich
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Russian
University of Transport,
Moscow, Russia
evlaev@ya.ru

ЧЕБОТАРЁВ Алексей Игоревич
магистрант, МГУ имени М.В.
Ломоносова, Москва, Россия
alekseichebotar98@gmail.com

CHEBOTARYOV Alexey Igorevich
Master's student, Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia
alekseichebotar98@gmail.com

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-12-20

Международный транспортный коридор «Север—Юг» как инструмент внешней политики Российской Федерации/ The North-South international transport corridor as a tool of the russian federation's foreign policy

Аннотация

В условиях санкционного давления и перестройки глобальных логистических цепочек международный транспортный коридор (МТК) «Север—Юг» превращается из инфраструктурного проекта в самостоятельный инструмент внешней политики Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценить, как Россия использует коридор для переориентации внешнеэкономических связей на Глобальный Юг и формирования устойчивой евразийской логистической архитектуры. Цель статьи — выявить место МТК «Север—Юг» в системе внешнеполитических приоритетов России и показать, как реализуются её национальные интересы по трём ветвям коридора — западной, транскаспийской и восточной. Исследование опирается на качественный анализ доктринальных документов РФ — Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности и Транспортной стратегии, а также на актуальные статистические данные 2024–2026 годов. Применены институциональный, сравнительно-политический и структурно-функциональный подходы. Установлено, что грузопоток по коридору в 2024 году достиг 26,9 млн тонн, а ключевым звеном западной ветви становится строительство железной дороги Решт—Астара. Показано, что российско-иранское и российско-индийское взаимодействие выступает несущей опорой коридора, а основным

конкурентом остаётся Транскаспийский маршрут («Срединный коридор»). Сделан вывод: МТК «Север—Юг» становится для России инструментом «санкционно-устойчивой» внешней политики и системообразующим элементом Большой Евразии.

Ключевые слова

МТК «Север—Юг»; INSTC; внешняя политика России; международный транзит; Иран; Индия; евразийская логистика; санкции; Решт—Астара; «Срединный коридор».

Abstract

Under sanctions pressure and the restructuring of global logistics chains, the International North—South Transport Corridor (INSTC) is being transformed from an infrastructure project into an independent instrument of the foreign policy of the Russian Federation. The relevance of the study stems from the need to assess how Russia uses the corridor to reorient its foreign economic ties towards the Global South and to form a sustainable Eurasian logistics architecture. The purpose of the article is to identify the place of the INSTC in the system of Russia's foreign policy priorities and to show how its national interests are realized along the three branches of the corridor — the western, the trans-Caspian and the eastern. The study is based on a qualitative analysis of the doctrinal documents of the Russian Federation (Foreign Policy Concept, National Security Strategy, Transport Strategy) and on current statistical data for 2024–2026. Institutional, comparative-political and structural-functional approaches are applied. It is established that the corridor's cargo flow reached 26.9 million tons in 2024, and that the construction of the Rasht—Astara railway is becoming the key link of the western branch. It is shown that Russian-Iranian and Russian-Indian cooperation acts as the load-bearing support of the corridor, while the main competitor remains the Trans-Caspian route (the "Middle Corridor"). It is concluded that the INSTC is becoming for Russia an instrument of a "sanctions-resistant" foreign policy and a system-forming element of Greater Eurasia.

Keywords

INSTC; North—South corridor; Russia's foreign policy; international transit; Iran; India; Eurasian logistics; sanctions; Rasht—Astara; Middle Corridor.

Введение

Современный этап международных отношений характеризуется фрагментацией мировой экономики, эрозией прежних институтов глобального управления и ускоренной перестройкой трансконтинентальных цепочек поставок. В этих условиях транспортная связность перестаёт быть сугубо отраслевой категорией и приобретает отчётливое внешнеполитическое измерение: контроль над маршрутами и узлами международного транзита превращается в

самостоятельный ресурс влияния [1].

Для Российской Федерации значение этого ресурса резко возросло после 2022 года. Системное санкционное давление затронуло традиционные западные направления внешнеэкономической деятельности и подтолкнуло государство к ускоренной переориентации торговых потоков в сторону Глобального Юга [2]. В новой конфигурации внешних связей центральное место занял международный транспортный коридор (МТК) «Север—Юг» — мультимодальный маршрут протяжённостью около 7200 километров, связывающий северо-запад России через Каспийское море и территорию Ирана с портами Персидского залива, Индийского океана и рынками Южной Азии.

Идея коридора не нова: межправительственное соглашение о его создании было подписано Россией, Ираном и Индией ещё в 2000 году. Однако именно в первой половине 2020-х годов проект перешёл из стадии деклараций в стадию практической реализации, а его развитие было закреплено в доктринальных документах России как приоритет внешней политики. Тем самым коридор превратился в инструмент, посредством которого государство решает одновременно экономические и геополитические задачи — диверсификацию экспорта, обход санкционных барьеров и укрепление партнёрств в незападном мире [3].

Цель настоящей статьи — выявить место МТК «Север—Юг» в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации и показать, как реализуются национальные интересы России по трём ветвям коридора. Для достижения этой цели рассматриваются генезис проекта, его закрепление в нормативно-правовой базе, технико-экономические характеристики маршрутов, ключевые двусторонние партнёрства и актуальные вызовы.

Методы

Методологическая основа исследования формируется на стыке политической науки, теории международных отношений и геоэкономики. В качестве базового используется качественный аналитический подход, ориентированный на интерпретацию доктринальных и нормативных источников. Источниковую базу составляют стратегические документы Российской Федерации — Концепция внешней политики, Стратегия национальной безопасности, Транспортная стратегия до 2030 года и Морская доктрина, а также международные соглашения и зарубежная аналитика [4].

Институциональный анализ позволяет рассмотреть механизмы межгосударственного взаимодействия в рамках коридора и роль наднациональных структур (ЕАЭС, ШОС). Сравнительно-политический анализ применяется для сопоставления интересов и стратегий ключевых участников — России, Ирана, Индии, Азербайджана и государств Центральной Азии, — а также для оценки конкуренции МТК «Север—Юг» с альтернативным Транскаспийским маршрутом.

Структурно-функциональный подход даёт возможность рассмотреть коридор как целостную систему из трёх взаимодополняющих ветвей, в которой инфраструктура выступает не просто отраслью, а инструментом внешнеполитического влияния [5].

Эмпирическую основу составляют статистические данные о грузопотоках и инфраструктурных проектах за 2022–2026 годы, что обеспечивает актуальность выводов. Особое внимание уделено зарубежным экспертным оценкам — индийским, иранским и западным аналитическим публикациям, — что позволяет рассмотреть коридор не только с российской, но и с внешней точки зрения.

Проведённый анализ позволил выявить место МТК «Север—Юг» в системе внешней политики России, определить особенности трёх его ветвей и оценить ключевые партнёрства и вызовы.

Генезис коридора и его институциональное оформление

Концепция соединения севера Евразии с бассейном Индийского океана через Каспий и Иран имеет глубокие исторические корни, однако современное институциональное оформление она получила на рубеже XX–XXI веков. 12 сентября 2000 года в Санкт-Петербурге Россия, Иран и Индия подписали Межправительственное соглашение о международном транспортном коридоре «Север—Юг», вступившее в силу в 2002 году. Впоследствии к соглашению присоединились ещё свыше десяти государств, включая Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Беларусь, Оман и Сирию, что превратило проект в многосторонний формат евразийского сотрудничества [6].

На протяжении почти двух десятилетий коридор развивался медленно: сказывались разрозненность инфраструктуры, недостаток сквозного железнодорожного сообщения и слабая загрузка маршрута. Качественный перелом произошёл в 2022–2023 годах, когда геополитические сдвиги придали проекту стратегический импульс. Для России коридор стал ответом на разрыв логистических связей с Европой, для Ирана — способом частичного преодоления санкционной изоляции, для Индии — каналом доступа к рынкам Центральной Азии и Европы в обход нестабильных направлений [7].

МТК «Север—Юг» в доктринальных документах Российской Федерации

Закрепление коридора в системе стратегического планирования отражает его переход в разряд национальных приоритетов. Центральное место занимает Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая Указом Президента от 31 марта 2023 г. № 229. Документ выстраивает внешнюю политику вокруг идеи многополярности и формирования «большого евразийского пространства», в рамках которого развитие международных транспортных коридоров, включая «Север—Юг», рассматривается как практический инструмент сопряжения интеграционных процессов. Показательно, что среди партнёров на ближневосточном направлении

Иран назван в числе первых, что подчёркивает приоритетность каспийско-иранского вектора [8].

Стратегия национальной безопасности, утверждённая Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400, относит развитие транзитного потенциала и интеграцию России в мировое транспортное пространство к национальным интересам и стратегическим приоритетам. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года конкретизирует эти установки, определяя целевые параметры грузопотока и приоритетные инфраструктурные проекты. Морская доктрина, утверждённая в 2022 году, дополняет эту систему, обозначая Каспийское море как зону национальных интересов и подчёркивая значение портовой инфраструктуры. В совокупности эти акты образуют целостную правовую рамку, придающую каспийско-иранскому направлению устойчивый и преемственный характер [9].

Три маршрута коридора: западный, транскаспийский и восточный

Структурно МТК «Север—Юг» функционирует через три основные ветви, каждая из которых обладает собственными технико-экономическими и политическими характеристиками. По итогам 2024 года совокупный грузопоток по коридору достиг 26,9 млн тонн, увеличившись на 19% по сравнению с предыдущим годом; на железнодорожные перевозки пришлось около 12,9 млн тонн [10].

Западная ветвь проходит по сухопутному маршруту Астрахань — Махачкала — Самур — территория Азербайджана — Астара — Решт и далее по железнодорожной сети Ирана. Это направление рассматривается как наиболее перспективное, поскольку обеспечивает бесшовное сухопутное сообщение. Его ключевым ограничением долгое время оставалось отсутствие железнодорожного участка Решт—Астара. Пропускная способность пунктов пропуска на азербайджанском направлении была увеличена примерно в пять раз — до 1,9 тыс. грузовых автомобилей в сутки, что свидетельствует о практическом наращивании потенциала маршрута [11].

Транскаспийская (морская) ветвь опирается на портовую инфраструктуру и предполагает доставку грузов из российских портов Астрахань и Махачкала в иранские порты Энзели и Амирабад. Её преимущество — высокая степень суверенного контроля, поскольку маршрут не зависит от транзитных государств; недостаток — зависимость от состояния Волго-Каспийского морского судоходного канала и необходимости дноуглубительных работ. В первой половине 2025 года поставки по этому направлению выросли почти на 98% относительно аналогичного периода предыдущего года, что отчасти связано с перенаправлением части грузов с западной ветви [12].

Восточная ветвь проходит через Казахстан и Туркменистан с выходом на иранскую железнодорожную сеть. Протяжённость её ключевого железнодорожного звена (линия Казахстан—

Туркменистан—Иран) составляет около 928 км. Значение этого направления для России состоит в сохранении единого логистического пространства с государствами Центральной Азии и противодействии их экономической переориентации. Символическим рубежом стало прибытие 8 ноября 2025 года грузового состава из района Москвы в иранский сухой порт Априн под Тегераном: 62 сорокафутовых контейнера преодолели маршрут за 12 дней [13].

Россия и Иран: стратегическое сближение и «недостающее звено»

Российско-иранское взаимодействие образует несущую опору всего коридора. В первой половине 2020-х годов оно приобрело выраженный стратегический характер, охватив транспорт, энергетику и безопасность. Центральным проектом стала железная дорога Решт—Астара — единственное недостающее звено непрерывного железнодорожного сообщения вдоль западного побережья Каспия.

Согласно достигнутым договорённостям, Россия выступает основным инвестором проекта с объёмом вложений порядка 1,6 млрд евро. Линия протяжённостью около 162 км предусматривает строительство восьми станций, десятков мостов и путепроводов; срок реализации оценивается приблизительно в 48 месяцев. К концу 2025 года было выкуплено около 95% необходимых земельных участков, а практическое начало строительных работ намечено на первую половину 2026 года. Завершение этого участка позволит сформировать сквозной железнодорожный маршрут от Санкт-Петербурга до портов Персидского залива и сократить время транзита по западной ветви ориентировочно на 40% [14]. Тем самым инфраструктурный проект приобретает прямое внешнеполитическое значение, закрепляя долгосрочное партнёрство двух государств.

Россия, Индия и поворот к Глобальному Югу

Индия была одним из инициаторов коридора и остаётся заинтересованной в его развитии как в инструменте доступа к рынкам Центральной Азии и Европы в обход Пакистана и перегруженных морских путей. По оценкам, маршрут через коридор сокращает время доставки примерно на 40%, а издержки — на 30% по сравнению с традиционным путём через Суэцкий канал [15].

Практическим проявлением сближения стало то, что с марта 2025 года Индия начала направлять грузы из порта Мундра в Центральную Азию через иранский порт Бандар-Аббас. Важную роль играет и порт Чабахар, в развитие которого Индия в 2024 году заключила десятилетний контракт. Показательна динамика товарной структуры: доля российских удобрений в индийском импорте в первой половине 2025 года выросла с 3% до 33%, что отражает переориентацию торговых потоков и взаимную заинтересованность сторон. Для России индийское направление обеспечивает выход на ёмкий рынок Южной Азии и подкрепляет внешнеполитический тезис о формировании

многополярного мира [16].

Актуальные вызовы: конкуренция маршрутов и региональные риски

Несмотря на положительную динамику, развитие коридора сопряжено с рядом вызовов. Главным конкурентом выступает Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), или «Срединный коридор» (Middle Corridor), проходящий через Китай, Казахстан, акваторию Каспия, Азербайджан, Грузию и Турцию в обход России. Этот маршрут активно продвигается внешними игроками как альтернатива российским логистическим возможностям. Вместе с тем его сложная мультимодальная структура и многочисленные перевалки повышают временные и стоимостные издержки, что объективно ограничивает конкурентоспособность [17].

Серьёзным фактором неопределённости стали региональные события 2025 года. Обострение отношений между Россией и Азербайджаном поставило под вопрос темпы расширения западной ветви, а кратковременный военный конфликт вокруг Ирана продемонстрировал уязвимость южного участка коридора к политическим рискам. В этих условиях возрастает значение диверсификации: часть грузопотока может быть перенаправлена на транскаспийскую и восточную ветви, что снижает зависимость от какого-либо одного маршрута. Дополнительным ограничением остаётся вторичное санкционное давление, осложняющее привлечение финансирования и технологий [18].

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют рассматривать МТК «Север—Юг» не как сумму отдельных инфраструктурных проектов, а как целостный инструмент внешней политики Российской Федерации. Анализ доктринальных документов показывает, что развитие коридора прочно встроено в логику многополярности и поворота на Восток: транспортная связность используется как средство укрепления партнёрств с незападными державами и снижения зависимости от уязвимых внешних маршрутов.

Сопоставление трёх ветвей коридора выявляет продуманную стратегию диверсификации рисков. Западная ветвь обеспечивает наибольшую пропускную способность, но политически чувствительна; транскаспийская гарантирует суверенный контроль, но ограничена инфраструктурно; восточная закрепляет связи с Центральной Азией. Сочетание трёх направлений придаёт системе устойчивость: ограничения на одном участке компенсируются перераспределением потоков на другие, что наглядно проявилось в 2025 году.

Особого внимания заслуживает роль двусторонних партнёрств. Взаимодействие с Ираном носит инфраструктурно-стратегический характер и закрепляется проектом Решт—Астара, тогда как сотрудничество с Индией придаёт коридору рыночное измерение

и подкрепляет внешнеполитический нарратив о Глобальном Юге. Тем самым коридор выполняет двойную функцию — экономического канала и инструмента политического сближения.

Вместе с тем результаты указывают и на пределы возможностей. Конкуренция со «Срединным коридором», региональная нестабильность и санкционные ограничения сохраняют дестабилизирующий потенциал. Устойчивость проекта будет зависеть от способности России выстраивать долгосрочные кооперационные механизмы и поддерживать баланс интересов участников.

Выводы

Проведённое исследование показывает, что международный транспортный коридор «Север—Юг» в первой половине 2020-х годов превратился из медленно развивавшегося инфраструктурного проекта в действенный инструмент внешней политики Российской Федерации. Его значение определяется сочетанием экономических и геополитических факторов: коридор обеспечивает переориентацию внешнеэкономических связей на Глобальный Юг, диверсификацию экспортных маршрутов и укрепление партнёрств в незападном мире.

Закрепление коридора в Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности и Транспортной стратегии свидетельствует о системном и преемственном характере соответствующей государственной линии. Анализ трёх ветвей подтверждает, что Россия реализует стратегию диверсификации, при которой устойчивость целого обеспечивается взаимодополняемостью маршрутов. Ключевыми опорами коридора выступают стратегическое партнёрство с Ираном, символом которого стало строительство железной дороги Решт—Астара, и рыночное взаимодействие с Индией.

В конечном счёте МТК «Север—Юг» предстаёт как инструмент «санкционно-устойчивой» внешней политики и системообразующий элемент формирующейся Большой Евразии. От того, насколько последовательно Россия будет преодолевать инфраструктурные и политические ограничения, во многом зависят её позиции в складывающейся многополярной системе международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жильцов С.С. Политика России в условиях глобальной неопределённости: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10, № 1. С. 8–16. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-8-16.
2. The International North—South Transport Corridor: Russia's Geoeconomic and Geopolitical Interests [Электронный ресурс] // Baku Research Institute. 2024. URL: <https://bakuresearchinstitute.org/en/the-international-north-south-transport-corridor-russias-geoeconomic-and-geopolitical-interests/> (дата обращения: 18.04.2026).
3. Geopolitics of the International North-South Transport Corridor (IN-STC) [Электронный ресурс] // Geopolitical Monitor. 2024. URL: <https://>

www.geopoliticalmonitor.com/geopolitics-of-the-international-north-south-transport-corridor-instc/ (дата обращения: 18.04.2026).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

5. Мамедов И.Б. Каспийский вектор транспортно-логистической политики ЕАЭС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 5. С. 177–192. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-9.

6. Зонн И.С., Жильцов С.С. Каспийский меридиан: новые горизонты. М.: Эдитус, 2023. 240 с.

REFERENCES

1. Russia's Policy in Conditions of Global Uncertainty: Challenges and Opportunities [*Politika Rossii v usloviyakh global'noy neopredelennosti: vyzovy i vozmozhnosti*]. Zhiltsov S.S. // Problems of the Post-Soviet Space. 2023. Vol. 10, No. 1. Pp. 8–16. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-8-16.

2. The International North—South Transport Corridor: Russia's Geoeconomic and Geopolitical Interests [Electronic resource] // Baku Research Institute. 2024. URL: <https://bakuresearchinstitute.org/en/the-international-north-south-transport-corridor-russias-geoeconomic-and-geopolitical-interests/> (accessed: 18.04.2026).

3. Geopolitics of the International North-South Transport Corridor (INSTC) [Electronic resource] // Geopolitical Monitor. 2024. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/geopolitics-of-the-international-north-south-transport-corridor-instc/> (accessed: 18.04.2026).

4. Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 229 of March 31, 2023) [Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31 marta 2023 g. № 229)] [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/> (accessed: 18.04.2026).

5. The Caspian Vector of Transport and Logistics Policy of the EAEU [*Kaspiyskiy vektor transportno-logisticheskoy politiki YEAE*]. Mamedov I.B. // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 177–192. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-9.

6. The Caspian Meridian: New Horizons [*Kaspiyskiy meridian: novye gorizonty*]. Zonn I.S., Zhiltsov S.S. Moscow: Editus, 2023. 240 p.

*НИКЛАУС Анна Александровна-
кандидат политических наук,
доцент, доцент, Московский
психолого-социальный универ-
ситет, Москва, Россия*

nicklaus.anna@gmail.com

*NIKLAUS, Anna Alexandrovna,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor, Moscow Psychological
and Social University, Moscow,
Russia*

nicklaus.anna@gmail.com

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-21-31

Политическая консолидация и региональное развитие: российский федерализм после 2000 года / Political consolidation and regional development: Russian federalism after 2000

Аннотация

В статье предлагается рассмотрение эволюции российского федерализма, акцентируя внимание на трансформации федеративных отношений, произошедшей в начале XXI века. Особое значение придается анализу политики укрепления центральной власти, которая ознаменовала переход от периода постсоветской децентрализации к формированию «вертикали власти». Исследуются и механизмы централизации, в том числе изменения в законодательстве, направленные на ограничение автономии регионов и усиление контроля со стороны федерального центра.

Статья разбирает уникальную специфику российского президентского федерализма, выделяя его отличительные черты на фоне классических моделей федеративного устройства. Значительное внимание уделяется асимметричному характеру современных федеративных отношений, который проявляется в неравномерном наделении субъектов федерации полномочиями и ресурсами.

Приведены примеры влияния этнофедеративного наследия Советского Союза на современную модель, включая связанные с этим проблемы и противоречия.

Анализируются также вопросы пространственного развития российских регионов, существующих диспропорций и роли различных инструментов координации, используемых для взаимодействия между федеральным центром и субъектами.

Работа выявляет фундаментальное противоречие, обусловленное становлением российского федерализма преимущественно «сверху», что в свою очередь порождает устойчивую тенденцию к унитаризации государственного устройства. В заключительной части предлагаются пути оптимизации федеративных отношений, направленные на достижение необходимого баланса между интересами централизации и региональной автономией. Это предполагает учет факторов,

критически важных для обеспечения устойчивого государственного развития и сохранения территориальной целостности Российской Федерации.

Ключевые слова

Пространственное развитие; асимметричный федерализм; оптимизация; унитаризм; консолидация; децентрализация.

Abstract

The article offers a review of the evolution of Russian federalism, focusing on the transformation of federal relations that took place at the beginning of the 21st century. Particular importance is attached to the analysis of the policy of strengthening the central government, which marked the transition from the period of post-Soviet decentralization to the formation of a "vertical of power." The mechanisms of centralization are also being investigated, including changes in legislation aimed at limiting the autonomy of regions and strengthening control by the federal government. The article examines the unique specifics of Russian presidential federalism, highlighting its distinctive features against the background of classical models of federal structure. Considerable attention is paid to the asymmetric nature of modern federal relations, which manifests itself in the uneven allocation of powers and resources to the subjects of the federation. Examples of the influence of the ethnofederative heritage of the Soviet Union on the modern model, including related problems and contradictions, are given. The issues of spatial development of Russian regions, existing imbalances and the role of various coordination tools used for interaction between the federal center and the subjects are also analyzed. The work reveals a fundamental contradiction caused by the emergence of Russian federalism mainly from above, which in turn generates a steady trend towards the unitarization of the state structure. The final part suggests ways to optimize federal relations aimed at achieving the necessary balance between the interests of centralization and regional autonomy. This involves taking into account factors that are critically important for ensuring sustainable state development and preserving the territorial integrity of the Russian Federation.

Keywords

Spatial development; asymmetric federalism; optimization; unitarianism; consolidation; decentralization.

В первое десятилетие XXI века российская модель федерализма претерпела заметные изменения. Реформы, инициированные новым на тот момент (2000-й год) президентом страны В.В. Путиным, оказали значительное влияние на развитие федеративных отношений в России.

Хотя сепаратистские настроения утратили свою остроту к 2000 году, президент в начале своего правления столкнулся с серьезными

рисками дезинтеграции¹. Фрагментация проявилась в политической, юридической, экономической и финансовой сферах. С точки зрения политической стратегии руководства страны, это создало настоящую потребность в принятии политических мер.

В эпоху Б.Н. Ельцина федерализм характеризовался стремлением центра к интеграции регионов через предоставление им широкой политической автономии. Этот подход, особенно во второй половине 1990-х, сопровождался двусторонними переговорами с региональными лидерами. Региональные элиты, в свою очередь, использовали ситуацию для укрепления своей политической власти, стремясь к максимальной независимости от центра.

С момента основания федерации отношения между регионами и центром отличались сложностью и противоречивостью. Федеральные и региональные представители часто находились в конфликте, а региональные политические элиты оказались разобщенными. Это, среди прочих факторов, привело к возникновению разнообразных политических моделей в рамках единой страны. Но с 2000 года ситуация резко изменилась.

Ключевым законодательным актом в направлении «дефедерализации» (в том смысле, что он изменил конфигурацию управленческих структур и усилил роль федерального центра) стал Указ от 13 мая 2000 года о создании семи федеральных округов (количество которых к 2025 году увеличилось), каждый из которых до настоящего времени возглавляется представителем президента. Этот Указ, наряду с другими законодательными инициативами, был одобрен Государственной Думой летом 2000 года. Очевидное преодоление возможного вето Совета Федерации квалифицированным большинством голосов в Думе привело к принятию закона о реорганизации и Советом Федерации, установившего принцип его постоянной работы. Также был принят закон, упрощающий процедуру отстранения губернаторов от должности.

Эти меры, с некоторыми оговорками, можно интерпретировать как попытки усиления центральной власти и укрепления вертикали государственного управления. Учреждение федеральных округов, каждый из которых находится под управлением представителя президента, преследовало цели укрепления президентской вертикали на местах и повышения эффективности управления.

Второй закон, вступивший в силу 29 июля 2000 года, предоставил президенту право увольнять губернаторов и президентов республик по упрощенной процедуре вследствие «утраты доверия», а также распускать региональные парламенты.

В том же 2000 году В.В.Путин потребовал от президента Башкортостана привести Конституцию республики в соответствие с федеральным законодательством и Конституцией РФ,

¹ Портнова Е.В. Некоторые современные проблемы российского федерализма // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 103-106.

настаивая на признании верховенства российской Конституции, ограничении прав республики в сфере международных отношений и внесении изменений в гражданское законодательство, включая регулирование понятия «гражданство». После невыполнения требований, президент повторно обратился к спикеру парламента Башкортостана К.Толкачеву с письмом от 11 мая 2000 года. 20 мая 2000 года президент Башкортостана Муртаза Рахимов выразил согласие с требованиями, при этом высказав сомнения в их позитивном влиянии на развитие региона.

Аналогично парламент Якутии пересмотрел конституцию, исключив положения об абсолютном верховенстве региональных законов и о вступлении в силу федеральных законов только после ратификации парламентом Якутии.

В указанный период времени подобная политика главы государства воспринимались как укрепление федеративной структуры, зафиксированной Конституцией¹. Бесспорно, федеральные институты нуждались в развитии, поскольку ситуация, сложившаяся после распада СССР, была отмечена сильной децентрализацией страны.

Новый президент в большей степени, чем Б.Н.Ельцин, демонстрировал приверженность идее «сильного государства» и концепции «державности». «Державность» подразумевает создание государства с централизованным управлением, патерналистской системой власти и элементами внешней экспансии с опорой на историческое наследие царской и советской эпох. С самого начала президентства программные заявления В.В.Путина транслировали идею о былом величии России и о необходимости его восстановления.

Спустя четверть века после 2000 года интеграция принципов федерализма, подразумевающих децентрализацию власти, с президентской моделью, стремящейся к её концентрации, породила важную особенность федерализма в РФ. Президентский федерализм выводит на первый план дилемму между усилением центральной власти и расширением полномочий регионов, поскольку президентская вертикаль и федеративное разделение компетенций основываются на диаметрально противоположных началах².

В отличие от парламентских федераций, таких как Германия, Канада или Австралия, российский президентский федерализм отличается ярко выраженной централизацией исполнительной власти в лице президента – президент осуществляет управление посредством указов, имеет право вето в отношении законодательных инициатив, контроль над региональными органами власти и иные полномочия.

¹ Паламарчук А.В. Исторический аспект проблем российского федерализма // Научный вестник Крыма. 2020. № 1 (24). С. 1-14.

² Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. О пользе неудачи: опыт России для исследований сравнительного федерализма // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2020. № 3. С. 6-19.

Более того, ветви исполнительной и законодательной власти тесно взаимосвязаны через фигуру президента. Типичные недостатки президентских систем, такие как: слабая мотивация для создания устойчивых парламентских партий, фокус на персонализированной политике с акцентом на харизматичных лидерах вместо программных партий, поляризация избирателей из-за мажоритарной системы и угроза авторитаризма – негативно влияют на федеративное разделение властей и потенциал федерализма для разрешения конфликтов.

В отличие от парламентских федераций, где доминирует нижняя палата, распределение власти между Государственной Думой и Советом Федерации в России относительно сбалансировано. Унитарные элементы системы – президентская администрация и Дума – уравниваются особыми полномочиями и правом утверждения, которыми наделен Совет Федерации.

В условиях концентрации власти в руках президента, федеративное разделение властей в России выступает инструментом вертикального ограничения и контроля власти¹, что является важным гарантом сохранения отдельных элементов демократии.

Другая особенность российского федерализма – это советское наследие. Советская модель федерализма закрепила национальную самобытность народов через систему автономных образований, которую Российская Федерация унаследовала от СССР. С незначительными корректировками, российский федерализм в некотором смысле воспроизвел этнофедеративную структуру советского периода, одновременно повысив статус ряда административно-территориальных единиц до уровня субъектов федерации.

Комбинированный подход, сочетающий этнический и территориальный принципы в организации государства, преследовал двойную цель: не допустить доминирования одной этнической группы и отказаться от централизованного управления регионами. Отказ от исключительно этнического или территориального федерализма можно расценивать как достижение федерализации.

Несмотря на периодические призывы в 1990-е годы к унификации статуса регионов, сокращению их числа и упразднению особого статуса автономных образований, эти идеи не получили серьезной политической поддержки. В результате, сосуществование этнически и территориально «неравновесных» субъектов федерации стало фактической нормой.

В свою очередь, «чистый» этнофедерализм мог бы поставить в невыгодное положение регионы с преобладающим русским населением и спровоцировать рост шовинистических настроений. Тем не менее

¹ Ильин И.М. Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспектива конституционной настройки (модернизации) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 55-58.

сочетание этнофедеративных и территориально-федеративных принципов не лишено противоречий, поскольку те регионы, которые вносят значительный вклад в федеральный бюджет, неизбежно ставят под сомнение привилегированное положение автономий, основанное не на экономике, а на этнической принадлежности. Этнофедерализм может спровоцировать дезинтеграционные процессы при двух условиях: если нетитульные этнические группы подвергаются экономической и политической дискриминации, и если этнофедерализм используется как прикрытие для недемократических методов управления¹.

Хотя политическая практика автономных республик явно отдает предпочтение титульным этническим группам, большинство конституций и законов гарантируют защиту прав меньшинств.

При этом политическая практика в автономных республиках зачастую приводит к необоснованному предоставлению привилегий титульной этнической группе, независимо от её фактической доли в населении. В результате, относительные или даже абсолютные меньшинства, представляющие титульную этническую группу, непропорционально представлены при распределении политических и административных должностей.

В Совете Федерации принцип равного представительства от субъектов федерации закрепляет равноправие как этносов, так и административно-территориальных единиц. Структура Совета Федерации, состоящая из представителей исполнительной и законодательной власти каждого региона, соединяет аспекты исполнительного и законодательного федерализма, с целью привлечения и интеграции обеих ветвей власти на уровне регионов в процесс принятия решений на федеральном уровне².

Такое сочетание принципов представительства обеспечивает федеральному центру дополнительный контроль.

Более того, ввиду того, что региональные представители входят в Совет Федерации в силу своей должности, верхняя палата в значительной степени деполитизирована: отсутствует необходимость мобилизации электоральных интересов для получения места в Совете Федерации. Хотя законодательные полномочия Совета Федерации не включают участие в выборах должностных лиц исполнительной власти, он всё чаще играет роль в внесении изменений в конституцию и принятии законов.

Тем не менее если рассматривать различные каналы влияния регионов в центральном правительстве, то явное преобладание наблюдается за представительством интересов исполнительной

¹ Ежукова О.А. Модель федеративного устройства России в контексте мировой практики федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 46-54.

² Ким Ю.В. К вопросу о смысле российского федерализма // Образование и право». 2022. № 2. С. 23.

власти. Внешнее представление регионов осуществляется почти исключительно исполнительной ветвью власти. В качестве примера можно привести следующее: губернаторы и главы республик являются представителями исполнительной власти на региональном уровне. Их кандидатуры часто проходят согласование в Администрации Президента РФ и Правительстве РФ. Следовательно, процесс их выдвижения и назначения находится под сильным контролем федерального центра, и они, в свою очередь, должны учитывать интересы центра. Если губернатор не справляется или вступает в открытый конфликт с федеральным центром, его могут отправить в отставку. Далее, когда региону нужно получить дополнительные средства из федерального бюджета (например, на инфраструктурные проекты, социальные нужды или ликвидацию последствий), обращение идет напрямую к федеральным министерствам (Минфин, Минэкономразвития) и Правительству РФ.

Таким образом, реальные механизмы взаимодействия регионов и федерального центра демонстрируют явное преобладание исполнительной ветви власти в отстаивании интересов субъектов Федерации. Это касается как кадровых вопросов, так и распределения финансовых ресурсов. Однако, несмотря на эти налаженные, хоть и с определенным уклоном, каналы влияния, сама основа региональных межбюджетных отношений и степень централизации в их регулировании остаются предметом дискуссий.

В России пока не сформировалось единое мнение относительно того, насколько необходимо сглаживать различия между регионами в уровне жизни и доступности государственных услуг. Также нет ясности в вопросе влияния перераспределения ресурсов на социальную консолидацию. Децентрализация в своё время, в конце XX века, в основном преследовала цели макроэкономической стабилизации. Одним из возможных решений является закрепление определенных налогов за конкретными уровнями власти, что обеспечит предсказуемость в планировании. Однако для этого необходимо четко разграничить ответственность за предоставление государственных услуг.

Различия между субъектами федерации¹ могут стимулировать конкуренцию между ними, направлять инвестиции в регионы с наиболее благоприятным климатом и способствовать перемещению трудовых ресурсов внутри страны. Увеличение дифференциации уровня жизни неизбежно приведет к расширению самостоятельности регионов и ограничению экономического влияния центра.

Фундаментальное противоречие российского федерализма – его «рождение» «сверху», а не снизу, принесло свои плоды в 2000-е годы. Так, хотя, согласно Конституции, Россия является федеративным государством, в последние годы наблюдается устойчивая

¹ Емельянов А.С. Развитие налогового федерализма в контексте формирования федеральных территорий // Финансовое право. 2022. № 1. С. 23-26.

тенденция к унитаризации. Изначально присущий российской модели «асимметричного федерализма» дисбаланс в наделении полномочиями в пользу центра проявился ещё в 1990-е годы, однако наиболее радикальные шаги по усилению вертикали власти были предприняты в начале 2000-х, в течение первого президентского срока В.В.Путина.

Ключевой вызов для пространственного развития Российской Федерации – значительные диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов, обуславливающие высокую зависимость многих из них от федерального центра. Основная экономическая активность сосредоточена в ограниченном числе субъектов: Москва и Санкт-Петербург лидируют в финансовой и инновационной сферах, Тюменская область (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) является основным поставщиком углеводородного сырья, а Республика Татарстан отличается развитой промышленностью.

При этом значительная часть регионов нуждается в финансовой поддержке из федерального бюджета: согласно статистике, почти все субъекты регулярно получают федеральные трансферты. В ряде республик Северного Кавказа и Сибири более половины бюджетных поступлений обеспечивается за счет федеральных дотаций. Это свидетельствует о существенных дисбалансах в территориальном развитии¹.

В ситуации сохранения значительного неравенства политика выравнивания должна основываться не только на денежных инструментах, но и на организационных², например, таких как специализированные договоры о развитии, преференциальные условия для инвестиций и межрегиональные объединения. Подобное может выступать наглядным аргументом в пользу смешанной модели федерализма, сочетающей признаки единого стратегического планирования и рассредоточенной ответственности за результат, как это принято в странах с прочной многоуровневой системой управления.

В заключение отметим, что в политическом плане российская модель федерализма существенно эволюционировала на протяжении последних трех десятилетий³ и в настоящее время характеризуется довольно высоким уровнем с точки зрения задач оптимизации территориального пространства страны.

Она отличается централизованным принятием решений на

¹ Ильин И.М. Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспектива конституционной настройки (модернизации) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 55-58.

² Ромашов Р.А. Юридическая техника изменения конституции в постсоветской истории Российского государства // История государства и права. 2020. № 5. С. 74-80.

³ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС Консультант-Плюс.

федеральном уровне, в то время как реализация многих менее значимых в общегосударственном масштабе проектов возлагается уже на органы власти субъектов федерации. Для улучшения координации между уровнями территориальной организации государства используются инструменты «вертикальных» проектов, в рамках которых федеральные министерства контролируют национальные проекты, назначают кураторов в регионах и регулярно оценивают показатели. Такой подход призван компенсировать недостаточную самостоятельность регионов усиленным контролем со стороны центра.

Таким образом, российский опыт демонстрирует сложности, возникающие в асимметричной федерации с высокой степенью централизации. С одной стороны, обеспечивается единство политического и правового пространства, все регионы подчиняются федеральным законам, а сепаратистские тенденции подавляются, но с другой – пространственное развитие остается неравномерным, с концентрацией ресурсов в отдельных регионах и зависимостью большинства субъектов от центра.

В ответ на это, государственная политика всё чаще прибегает к стратегическому планированию и «прямому» управлению развитием территорий, что оказывается недостаточно эффективным без перераспределения полномочий и стимулирования региональных инициатив. Для оптимизации пространственного развития России необходим баланс между центром и регионами, и их заинтересованность в совместном успехе; в противном случае федерализм становится формальным и регионы не получают преимуществ от децентрализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. О пользе неудачи: опыт России для исследований сравнительного федерализма // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2020. № 3. С. 6-19.
2. Ежукова О.А. Модель федеративного устройства России в контексте мировой практики федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 46-54.
3. Емельянов А.С. Развитие налогового федерализма в контексте формирования федеральных территорий // Финансовое право. 2022. № 1. С. 23-26.
4. Закон Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС Консультант-Плюс.
5. Ильин И.М. Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспектива конституционной настройки (модернизации) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 55-58.
6. Ким Ю.В. К вопросу о смысле российского федерализма // Образование и право». 2022. № 2. С. 23.

7. Кочетков Е.Е. Региональное пространство: особенности возникновения и трансформации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. с. 145-150.

8. Кочетков Е.Е. К истории федеративных отношений асимметричного типа в России // Вестник Российской нации. 2014. № 6 (38). С. 357-366.

9. Паламарчук А.В. Исторический аспект проблем российского федерализма // Научный вестник Крыма. 2020. № 1 (24). С. 1-14.

10. Портнова Е.В. Некоторые современные проблемы российского федерализма // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 103-106.

11. Ромашов Р.А. Юридическая техника изменения конституции в постсоветской истории Российского государства // История государства и права. 2020. № 5. С. 74-80.

REFERENCES

1. Busygina I.M., Filippov M.G. On the benefits of failure: Russia's experience for comparative federalism research [*O pol'ze neudachi: opyt Rossii dlya issledovaniy sravnitel'nogo federalizma*] // Bulletin of Perm University. Ser. Political science. 2020. No. 3. pp. 6-19.

2. Yezhukova O.A. The model of the federal structure of Russia in the context of the world practice of federal relations [*Model' federativnogo ustroystva Rossii v kontekste mirovoy praktiki federativnykh otnosheniy*] // Constitutional and municipal law. 2021. No. 9. pp. 46-54.

3. Yemelyanov A.S. The development of tax federalism in the context of the formation of federal territories [*Razvitiye nalogovogo federalizma v kontekste formirovaniya federal'nykh territoriy*] // Financial Law. 2022. No. 1. pp. 23-26.

4. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FKZ "On Improving the regulation of Certain issues of the organization and functioning of public power" [*Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti»*] // SPS Constant-Plus.

5. Ilyin I.M. The constitutional model of budgetary federalism in Russia: features, problems and prospects of constitutional adjustment (modernization) [*Konstitutsionnaya model' byudzhnogo federalizma Rossii: osobennosti, problematika i perspektiva konstitutsionnoy nastroyki (modernizatsii)*] // Constitutional and municipal law. 2021. No. 9. pp. 55-58.

6. Kim Yu.V. On the question of the meaning of Russian federalism [*K voprosu o smysle rossiyskogo federalizma*] // Education and Law". 2022. No. 2. p. 23.

7. Kochetkov E.E. Regional space: features of emergence and transformation [*Regional'noye prostranstvo: osobennosti vozniknoveniya i transformatsii*] // Socio-humanitarian knowledge. 2023. No. 4. pp. 145-150.

8. Kochetkov E.E. On the history of federal relations of an asymmetric type in Russia [*K istorii federativnykh otnosheniy asimmetrichnogo tipa v Rossii*] // Bulletin of the Russian Nation. 2014. No. 6 (38). pp. 357-366.

9. Palamarchuk A.V. The historical aspect of the problems of Russian federalism [*Istricheskiy aspekt problem rossiyskogo federalizma*] //

Scientific Bulletin of the Crimea. 2020. No. 1 (24). pp. 1-14.

10. Portnova E.V. Some modern problems of Russian federalism [*Nekotoryye sovremennyye problemy rossiyskogo federalizma*] // Socio-political Sciences. 2016. No. 3. pp. 103-106.

11. Romashov R.A. The legal technique of constitutional amendment in the post-Soviet history of the Russian state [*Yuridicheskaya tekhnika izmeneniya konstitutsii v postsovetskoy istorii Rossiyskogo gosudarstva*] // History of the State and law. 2020. No. 5. pp. 74-80.

ТЕРЕНТЬЕВ Виталий Андреевич
соискатель, Академия базовой
подготовки, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
abp-rutyandex.ru

TEREVITIEV Vitaly Andreevich
Applicant, Academy of Basic
Training, Russian University of
Transport, Moscow, Russia
abp-rutyandex.ru

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-32-40

Рыночная и приватизационная модель инфраструктурной политики государства / Market and privatization model of state infrastructure policy

Аннотация

Статья посвящена анализу моделей государственной инфраструктурной политики и их роли в реализации крупных транспортных инфраструктурных проектов. Рассматриваются рыночная, программно-целевая, проектная, государственно-капиталистическая и мобилизационная модели управления отраслью, а также условия их формирования и взаимодействия. Показано, что развитие инфраструктуры требует сочетания различных инструментов государственной политики, поскольку рыночные механизмы не всегда обеспечивают реализацию общественно значимых проектов. Особое внимание уделяется институциональной структуре отраслевой политики, включая роль политических элит, административных органов, регионов, организаций с государственным участием и групп интересов. Делается вывод о том, что крупные транспортные проекты формируются в рамках смешанной модели управления, где усиливается координационная и стратегическая роль государства.

Ключевые слова

Государственная инфраструктурная политика; транспортная инфраструктура; крупные инфраструктурные проекты; государственный капитализм; проектное управление; отраслевая политика.

Abstract

The article is devoted to the analysis of models of state infrastructure policy and their role in the implementation of major transport infrastructure projects. The article examines the market, program-targeted, project, state-capitalist, and mobilization models of industry management, as well as the conditions for their formation and interaction. It is shown that the development of infrastructure requires a combination of various instruments of state policy, as market mechanisms do not always ensure the implementation of socially significant projects. Special attention is paid to the institutional structure of industry policy, including the role of political elites, administrative bodies, regions, organizations with state participation, and interest groups. It is concluded that large transport projects are formed within the framework of a mixed management model, where the state's

coordinating and strategic role is strengthened.

Keywords

State infrastructure policy; transport infrastructure; major infrastructure projects; state capitalism; project management; sectoral policy.

В рамках рыночной (и близкой к ней приватизационной) модели отрасль рассматривается как пространство, где ключевым механизмом распределения ресурсов и стимулов выступают рынок и конкуренция, а государство задаёт «правила игры» и корректирует их, когда частные стимулы не обеспечивают общественно значимых результатов. Такой подход опирается на идею разграничения сфер: государство концентрируется на регулировании и надзоре, а хозяйственная деятельность и инвестиции по возможности передаются частным субъектам¹. Преимуществом этой модели является потенциальная эффективность отдельных сегментов отрасли и снижение прямой бюджетной нагрузки. Однако её уязвимости становятся заметны в сферах, где общественный интерес требует длинных горизонтов, высокой капиталоемкости и обеспечения доступности услуг независимо от коммерческой привлекательности. В инфраструктуре это проявляется особенно резко: значительная часть проектов обладает общественной полезностью, но не всегда формирует достаточную частную прибыль, чтобы быть реализованной в нужных объемах и в нужной географии².

В политологическом плане важно другое: рыночная модель снижает прямую «видимость» государства в отрасли, но не отменяет политическую конкуренцию вокруг правил, тарифов, доступа к ресурсам и бюджетным гарантиям. Напротив, борьба часто смещается с «владения объектами» на «влияние на правила», где группы интересов стремятся закрепить выгодные режимы регулирования³.

Программно-целевая модель возникает как ответ на ограниченность рыночной логики в условиях сложных общественных задач. Здесь государство выступает не просто регулятором, а планировщиком приоритетов и распределителем ресурсов, задающим цели, показатели и механизмы достижения результата. Содержательно это выражается в формировании государственных программ, стратегических документов и связанного с ними финансового планирования⁴.

Сильная сторона программно-целевого подхода — возможность согласовывать разнородные действия (регулирование, инвестиции, социальные меры) вокруг одной цели и удерживать горизонт

¹ Пономаренко Е.В. Экономика и финансы общественного сектора: учебник / Е. В. Пономаренко. – М.: ИНФРА-М, 2022. С. 55.

² Там же. С. 60.

³ Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений: учебное пособие / А. И. Соловьев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 496 С. 400.

⁴ Ленчук Е.Б., Пономарева О.С., Хорос К.В. Стратегическое планирование в России: итоги и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 25.

планирования шире бюджетного года. Однако слабое место — опасность разрыва между целями и ресурсами, а также подмена общественного эффекта формальными показателями выполнения. В этом случае программа начинает жить как «система отчётности», а не как механизм преобразования отрасли¹. Для анализа КТИП программно-целевая модель важна тем, что именно в ней появляется ключевой вопрос: что считается результатом — построенные объекты, освоенные средства или устойчивое изменение связности территории и доступности перевозок. От ответа на этот вопрос зависит, какие показатели закрепляются в документах и как устроен контроль.

Проектная модель усиливает программно-целевой контур, переводя часть целей в формат конкретных проектов со сроками, ответственными, ресурсным обеспечением и процедурой контроля. В отличие от программы (как набора мер), проект предполагает жёсткую управленческую связку между целью, бюджетом, графиком, исполнителями и контрольными точками².

Политологический смысл проектной модели состоит в том, что она формирует режим «управленческой концентрации»: на ограниченный период и для ограниченного набора задач государство создаёт уплотнённый контур контроля и координации, снижая влияние ведомственной разобщённости и увеличивая управляемость. Это особенно заметно в крупной инфраструктуре, где без проектного контура возрастают риски распыления ответственности и «перекладывания» проблем между участниками³. Одновременно проектная логика несёт характерную опасность: подмена стратегической цели краткосрочно измеримыми показателями «готовности объекта», «процента освоения», «сдачи этапов». Если проектная дисциплина не связана с оценкой общественного эффекта, то система может научиться успешно «строить» и «отчитываться», но слабее достигать заявленных политических целей (связанность, безопасность, управляемость пространства)⁴.

В модели государственного капитализма государство системно использует экономические механизмы и формы участия в собственности, чтобы обеспечивать достижение публичных целей. Политологически ключевым здесь является не вопрос «частное или государственное», а вопрос институционального контроля: через какие организации и контуры государство закрепляет приоритет, аккумулирует ресурсы и снижает транзакционные издержки

¹ Аносова Л.А., Кабир Л.С. Стратегическое планирование в сфере государственной отраслевой политики // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 7. С. 718.

² Купряшин Г.Л. Основы государственного и муниципального управления : учебник и практикум для вузов / Г. Л. Купряшин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2023. С. 205.

³ Якунин, В.И. Политология транспорта: политическое измерение транспортного развития / В. И. Якунин. — М.: Экономика, 2006. С. 75.

⁴ Соловьев А. И. Указ. соч. С. 415.

координации¹.

Практически это часто связано с ростом роли организаций с государственным участием и иных гибридных институтов, которые совмещают хозяйственную деятельность с выполнением государственных задач. Такие структуры могут быть удобны как операторы крупных проектов: они способны удерживать длинные горизонты, аккумулировать компетенции, разворачивать инвестиционные программы и обеспечивать управляемость цепочек исполнения. В то же время их «гибридность» увеличивает политологические риски: размывание ответственности, ограниченная прозрачность, склонность к закрытым механизмам принятия решений и возникновение устойчивых режимов распределения ренты вокруг крупных ресурсов².

В рамках теоретического параграфа важно подчеркнуть: модель государственного капитализма не отменяет ни программного, ни проектного подхода, а часто встраивает их в себя. Государство может формировать цели и контроль через стратегические документы и проекты, а реализовывать — через организационный контур гибридных институтов. Именно поэтому для анализа КТИП полезно заранее выделять роль таких институтов как элемента модели, а не как «частного случая» конкретной страны.

6. Мобилизационная модель: режим управленческой концентрации в условиях внешних угроз

Мобилизационная модель развития в теоретическом смысле представляет собой режим, при котором государство усиливает централизованную координацию, перераспределяет ресурсы в пользу приоритетных направлений и допускает более высокую долю внеэкономической рациональности (то есть решений, принимаемых ради безопасности, устойчивости и управляемости, даже если они не оптимальны по критериям краткосрочной эффективности)³. Ключевое отличие мобилизационной модели от проектной состоит в масштабе и мотивации: проектная логика концентрирует управление вокруг отдельных задач, тогда как мобилизационная модель изменяет общий режим приоритизации и допустимых издержек на уровне государства в целом. В такой ситуации инфраструктура (и особенно транспорт) нередко приобретает повышенную политическую значимость как инструмент устойчивости, связности и обеспеченности критических потоков⁴.

Важно подчеркнуть: в современной политической реальности мобилизационная модель часто существует не «вместо», а «поверх» других моделей, образуя синтез с государственным капитализмом

¹ Белов Л. П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. 2019. № 5. С. 35.

² Аузан А.А. Культурные коды экономики. М.: АСТ, 2022. С. 110.

³ Огнева В.В. Россия в меняющемся мире: поиск новой модели политического развития / В. В. Огнева // Вестник международных организаций. – 2024. – № 1. С. 200.

⁴ Якунин В.И. Указ. соч. С. 82.

и проектным управлением. Теоретически это выражается в том, что государство сохраняет экономические формы (контракты, инвестиционные программы, организации-операторы), но усиливает политический контроль за приоритетами, ресурсами и сроками¹.

Смена моделей отраслевой политики чаще всего обусловлена не идеологическими предпочтениями как таковыми, а структурными факторами:

- Рост сложности объектов управления. Чем сложнее система и длиннее горизонты, тем хуже работает чисто рыночная координация и тем выше спрос на программный и проектный контуры².

- Необходимость пространственной связности и устойчивости. В инфраструктуре общественный эффект часто важнее частной прибыли; это толкает систему к усилению роли государства как инвестора и координатора³.

- Ограничения ресурсов и конфликт приоритетов. Когда ресурсы ограничены, возрастает политическая конкуренция вокруг приоритетов, а значит — значение институциональных механизмов распределения⁴.

- Внешние угрозы и режимы неопределённости. В условиях внешнего давления усиливаются элементы мобилизационной логики: ускорение решений, концентрация ресурсов, централизация контроля⁵.

- Институциональная инерция. Инструменты и институты, однажды созданные (программы, проекты, операторы), редко исчезают — они «наслоением» образуют смешанные модели⁶.

Таким образом, эволюция от рыночных и приватизационных подходов к государственно-капиталистическим и мобилизационным режимам может быть описана как расширение набора инструментов и усиление координационной роли государства там, где инфраструктура становится критическим ресурсом государственности и долгосрочного развития.

Для исследования крупных транспортных инфраструктурных проектов данная типология важна по двум причинам. Во-первых, КТИП почти всегда требуют смешения моделей: рыночная логика может присутствовать в подрядных и сервисных сегментах, программно-целевая — в целеполагании и показателях, проектная — в управленческом контуре реализации, государственно-капиталистическая — в роли операторов и инвесторов, мобилизационная — в режимах ускорения и концентрации ресурсов

¹ Огнева В.В. Указ. соч. С. 205.

² Купряшин Г.Л. Указ. соч. С. 220.

³ Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Транспортные коридоры постсоветского пространства: факторы формирования и перспективы развития. М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 15.

⁴ Пономаренко Е.В. Указ. соч. С. 180.

⁵ Огнева В.В. Указ. соч. С. 208.

⁶ Аузан А.А. Указ. соч. С. 125.

при повышенной значимости проекта. Во-вторых, типология позволяет в главе 2 анализировать не только «перечень проектов», но и режим политики, в котором проекты становятся приоритетом: какие инструменты доминируют, кто является ключевыми акторами, как устроено ресурсное обеспечение, какие механизмы контроля применялись и где возникают типовые разрывы между целями и результатами¹.

Если в предыдущих подпунктах государственная отраслевая политика рассматривалась как курс и как набор моделей управления, то здесь необходимо зафиксировать её «социальную механику»: кто именно формирует повестку, принимает решения, распределяет ресурсы и обеспечивает исполнение. В политологическом анализе отрасль — это не только объект регулирования, но и поле взаимодействия акторов, обладающих различными ресурсами влияния: правом, бюджетом, информацией, экспертной монополией, организационной мощностью и доступом к центрам принятия решений². Именно поэтому ГОП следует описывать как систему институтов (правил и процедур) и акторов (участников), действующих в условиях конкуренции и координации. При этом ключевой вопрос — не «кто формально отвечает», а «кто обладает возможностью изменять решения и управлять ресурсами», то есть фактической властью в отраслевом контуре³.

Для целей исследования целесообразно выделить пять основных групп акторов, типичных для отраслевой политики в целом и особенно характерных для транспортной сферы и крупных инфраструктурных проектов:

1. Политические элиты и высший уровень целеполагания. Элиты в рамках отраслевой политики выступают источником приоритизации: именно на этом уровне формируется политическое решение о том, что отрасль (или определённый класс проектов) обладает повышенной значимостью. Отрасль может становиться площадкой укрепления политических коалиций, демонстрации управленческой эффективности, перераспределения ресурсов и закрепления контроля над стратегическими направлениями развития⁴. В этом смысле крупные инфраструктурные проекты обладают двойной природой: они и инструмент развития, и ресурс политической консолидации, поскольку связаны с распределением значительных ресурсов и символическим подтверждением способности государства действовать в долгом горизонте⁵.

2. Ведомства и административный аппарат. Административные

¹ Устинович Е.С. Указ. соч. С. 94.

² Соловьев А.И. Указ. соч. С. 150.

³ Купряшин Г.Л. Указ. соч. С. 85.

⁴ Сморгун, Л.В. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / Л. В. Сморгун. — М.: Аспект Пресс, 2018. С. 45.

⁵ Якунин В.И. Указ. соч. С. 90.

органы выступают центральным звеном трансформации политического курса в управленческие решения. Их роль заключается в разработке нормативных и программных документов, подготовке бюджетных заявок, организации процедур, распределении полномочий и контроле исполнения. Однако ведомства действуют не в «пустоте»: они обладают собственной рациональностью, стремлением защищать ведомственные интересы, расширять полномочия и удерживать контроль над ресурсами¹. Это означает, что отраслевой курс может претерпевать изменения уже на стадии ведомственного оформления: приоритеты «переводятся» на язык процедур, показателей и ведомственных задач, а часть политических целей может быть адаптирована под существующие институты и ограничители.

3. Регионы и территориальные уровни управления. Региональный уровень является не только исполнителем федеральной политики, но и самостоятельным актором, обладающим собственными интересами, ресурсами и конфликтами приоритетов. В инфраструктурной политике регионы часто выступают арендой, где сталкиваются общегосударственные цели (связанность и безопасность) и локальные интересы (доступность, рабочие места, распределение подрядов, налоговая база). В результате возникает сложная вертикально-горизонтальная координация: федеральный центр задаёт рамки и ресурсы, регионы обеспечивают реализацию и локальную легитимность, а конфликты могут проявляться в перераспределении средств, выборе трассировки, темпах работ и приоритетах обслуживания².

4. Организации с государственным участием и иные гибридные институты. Для отраслей, требующих длительного планирования и высокой ресурсной концентрации, характерно формирование организаций, которые совмещают хозяйственную деятельность с выполнением публичных задач. В рамках теоретической модели важно рассматривать такие структуры как гибридные институты, находящиеся на границе политики и экономики: они действуют в рыночной среде, но их миссия и ресурсы часто определяются политическими решениями³. Политологический интерес здесь двойной. С одной стороны, гибридные институты могут повышать управляемость отрасли: аккумулировать компетенции, обеспечивать долгосрочные инвестиции, выступать оператором проектов, удерживать технологические цепочки. С другой стороны, их гибридность порождает проблемы прозрачности и ответственности: при сочетании публичных целей и хозяйственных инструментов возникают зоны, где трудно отделить «общественный интерес» от интересов конкретных управленческих групп, подрядчиков и смежных организаций⁴. В инфраструктурной политике это создаёт

¹ Соловьев А. И. Указ. соч. С. 165.

² Вардомский Л. Б., Тураева М. О. Указ. соч. С. 28.

³ Белов Л. П. Указ. соч. С. 40.

⁴ Аузан А.А. Указ. соч. С. 115.

почву для устойчивых режимов распределения ресурсов и усиления закрытых механизмов принятия решений.

5. Группы интересов и профессиональные сообщества. Отраслевая политика неизбежно становится пространством конкуренции организованных интересов: подрядных организаций, поставщиков, отраслевых союзов, экспертных групп, а иногда и общественных движений. Их влияние реализуется через участие в консультациях, экспертных советах, публичных обсуждениях, а также через неформальные каналы ¹. В условиях высокой стоимости решений (типичной для инфраструктуры) влияние групп интересов становится особенно значимым: от выбора технического решения или трассировки до параметров финансирования и критериев отбора подрядчиков. Важно подчеркнуть: наличие групп интересов само по себе не является аномалией — это нормальная часть политического процесса. Политологическая проблема возникает тогда, когда институциональные механизмы балансировки интересов недостаточны, а решения становятся преимущественно результатом закрытого торга, где общественная полезность подменяется логикой распределения выгод ².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аузан А. А. Культурные коды экономики. — М.: АСТ, 2022.
2. Пономаренко Е. В. Экономика и финансы общественного сектора: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2022.
3. Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений: учебное пособие. — 2-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2019.
4. Ленчук Е. Б., Пономарева О. С., Хорос К. В. Стратегическое планирование в России: итоги и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 6.
5. Аносова Л. А., Кабир Л. С. Стратегическое планирование в сфере государственной отраслевой политики // Экономика и управление. — 2020. — Т. 26. — № 7.
6. Купряшин Г. Л. Основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023.
7. Якунин В. И. Политология транспорта: политическое измерение транспортного развития. — М.: Экономика, 2006.
8. Белов Л. П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. — 2019. — № 5.
9. Огнева В. В. Россия в меняющемся мире: поиск новой модели политического развития // Вестник международных организаций. — 2024. — № 1.
10. Вардомский Л. Б., Тураева М. О. Транспортные коридоры постсоветского пространства: факторы формирования и перспективы развития. — М.: Институт экономики РАН, 2018.
11. Сморгун Л. В. Публичная политика: институты, цифровиза-

¹ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 180.

² Там же. С. 185.

ция, развитие. — М.: Аспект Пресс, 2018.

REFERENCES

1. Auzan A. A. Cultural Codes of the Economy [*Kul'turnyye kody ekonomiki*]. — Moscow: AST, 2022.
2. Ponomarenko E. V. Economics and Finance of the Public Sector: Textbook [*Ekonomika i finansy obshchestvennogo sektora: uchebnik*]. — Moscow: INFRA-M, 2022.
3. Solovyov A. I. Adoption and Implementation of Government Decisions [*Prinyatiye i ispolneniye gosudarstvennykh resheniy: uchebnoye posobiye*]: Textbook. — 2nd edition, revised. — Moscow: Aspect Press, 2019.
4. Lenchuk E. B., Ponomareva O. S., Khoros K. V. Strategic Planning in Russia: Results and Prospects of Development x [*Strategicheskoye planirovaniye v Rossii: itogi i perspektivy razvitiya*] // Problems of Forecasting. — 2020. — No. 6.
5. Anosova L. A., Kabir L. S. Strategic Planning in the Field of State Sectoral Policy [*Strategicheskoye planirovaniye v sfere gosudarstvennoy otraslevoy politiki*] // Economics and Management. — 2020. — Vol. 26. — No. 7.
6. Kupryashin, G. L. Fundamentals of State and Municipal Administration [*Osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: uchebnik i praktikum dlya vuzov*]: Textbook and Workshop for Universities. 3rd edition, revised and expanded. — Moscow: Yurayt, 2023.
7. Yakunin, V. I. Political Science of Transport: The Political Dimension of Transport Development [*Politologiya transporta: politicheskoye izmereniye transportnogo razvitiya*]. — Moscow: Ekonomika, 2006.
8. Belov, L. P. A Strong State: Towards a Theoretical Model [*Sil'noye gosudarstvo: k postroyeniyu teoreticheskoy modeli*] // Management Consulting. 2019. No. 5.
9. Ogneva V.V. Russia in a Changing World: The Search for a New Model of Political Development [*Rossiya v menyayushchemsya mire: poisk novoy modeli politicheskogo razvitiya*] // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. — 2024. — No. 1.
10. Vardomsky L.B., Turaeva M.O. Transport Corridors of the Post-Soviet Space: Factors of Formation and Development Prospects [*Transportnyye koridory postsovetskogo prostranstva: faktory formirovaniya i perspektivy razvitiya*]. — Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018.
11. Smorgunov L.V. Public Policy: Institutions, Digitalization, Development [*Publichnaya politika: instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye*]. — Moscow: Aspekt Press, 2018.

*ШАБЕЛЬНИКОВА Елена Николаевна
кандидат исторических
наук, доцент, Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия
shentmb@mail.ru*

*SHABELNIKOVA Elena Nikolaevna
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Tambov
State University named after
G.R. Derzhavin, Tambov, Russia
shentmb@mail.ru*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-41-52

Российские общенациональные ценности как основа благополучия человека: эволюция содержания/ Russian national values as the basis of human well-being: evolution of content

Аннотация

На современном этапе представляется актуальной проблема формирования общенациональных ценностей среди населения и особенно молодого поколения. На основании обращений президента РФ к Федеральному Собранию, автор проводит анализ становления системы общенациональных ценностей в России, при этом автор приходит к выводу о том, что необходимость ее формирования определяется, с одной стороны, как основа благополучия государства, однако нельзя отрицать, что общенациональные ценности оказывают влияние и на формирование благополучия гражданина, являясь ориентиром самоидентификации.

Автором подчеркивается, что отсутствие общенациональных ценностей может представлять угрозу национальной безопасности любого современного государства.

Ключевые слова

Общенациональные ценности; благополучие; Президент; послание Президента Федеральному Собранию; национальная безопасность.

Abstract

At the current stage, the problem of forming national values among the population and especially the younger generation appears to be relevant. Based on the addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, the author analyzes the formation of a system of national values in Russia, while the author comes to the conclusion that the need for its formation is determined, on the one hand, as the basis for the well-being of the state, however, it cannot be denied that national values also influence the formation of the well-being of a citizen, being a reference point for self-identification.

The author emphasizes that the absence of national values can pose a threat to the national security of any modern state.

Keywords

National values; well-being; Presiden; President's Address to the Federal Assembly; national security.

В качестве основного источника, позволяющего определить содержание и динамику отечественных общенациональных ценностей, в настоящей работе автор выбрал ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Обращение к парламенту является полномочием Президента, которое в 1999 г. было закреплено в Конституции РФ в ст. 84 п. «е»¹.

В российской истории традиция обращения главы государства к законодательному (представительному) органу носила единичный характер.

Так в 1549 г. Иван Грозный обратился к Собору примирения², ставшим, по сути, первым Земским собором и положившим начало сословно-представительной монархии.

Дважды к законодательному органу обращался И.В. Сталин - в 1924 г. он выступил на II Всесоюзном съезде Советов по поводу смерти В.И. Ленина³ и в 1936 г. на 8-м Чрезвычайном съезде Советов по поводу принятия Конституции СССР⁴. И только с 1994 г. обращения к законодательным органам становятся традиционными.

Изучение документов за период нескольких лет показывает, что:

- в ежегодных посланиях обозначались национальные ценности, которые должны формироваться у граждан;
- на протяжении десятилетий под влиянием политической (внутренней и международной) обстановки такие ценности претерпевали существенную трансформацию.

Условно можно выделить три периода эволюции российских общенациональных ценностей.

В период с 1994 по 1999 в Посланиях президента акцент фокусируется на формировании «демократических ценностей и

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] . URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-6.htm> (дата обращения 18 мая 2026 г.)

² Черепнин, Л.В. Земские соборы русского государства В XVI-XVII вв./ Л.В. Черепнин // М.: Наука, 1978.- С.68.

³ См.: Речь И.В. Сталина на II Всесоюзном съезде Советов по поводу смерти В.И. Ленина. 26 января 1924 г. // И.В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 46-51. Впервые опубликовано в газете «Правда», № 23, 30 января 1924 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/343318-rech-i-v-stalina-na-ii-vsesoyuznom-sezde-sovetov-po-povodu-smerti-v-i-lenina-26-yanvarya-1924-g> (дата обращения 28 мая 2026 г.)

⁴ См.: О проекте Конституции Союза ССР. Из доклада И.В. Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. // Сталин И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М., 1937. С. 42-43. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/93502-o-proekte-konstitutsii-soyuza-ssr-iz-doklada-i-v-stalina-na-viii-chrezvychaynom-sezde-sovetov-25-noyabrya-1936-g> (дата обращения 28 мая 2026 г..

воспитание правового сознания граждан, начиная со школьной скамьи»¹. Необходимо отметить, что в период первого десятилетия после распада СССР, была характерна смена ориентиров, политический и экономический кризис. Демократические ценности свелись «к свободе извлечения прибыли, невозможности защиты общественной морали и пресечению пропаганды насилия», что «привело к утрате общегосударственных ценностей»².

Причиной названа «слабость государственного механизма», однако, как показала история, в новых условиях центральная власть оказалась неспособной взять на себя ответственность за происходящее и противостоять всем политическим и экономическим угрозам.

К концу 1990-х годов происходит осознание властью роли патриотизма для политической стабильности государства. Тогда же в Послании озвучивается необходимость прихода в законодательную власть «патриотически настроенных профессионалов, а не «профессиональных патриотов», которые в состоянии защитить начатые преобразования и предоставить возможности для их дальнейшего развития»³. Такое положение дел было обусловлено низкой продуктивностью Государственной Думы, сильным влиянием олигархии на законотворческий процесс.

Начиная с 2000 г., когда произошла смена руководителя страны, постепенно начинает затрагиваться проблема формирования гражданского общества в РФ. В послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2000 г. отмечалось, что «в России построен лишь каркас гражданского общества и требуется совместная терпеливая работа, чтобы оно стало полноценным партнером государства»⁴.

Проблема формирования гражданского общества заключалась в данный период в противоречиях между «ценностями личной свободы и интересами государства», что по мнению Президента В.В. Путина выражалось «в сложности совмещения патриотической ответственности за судьбу страны с тем, что Столыпин когда-то называл «гражданскими вольностями»⁵. Фактически это означало признание возможности построения гражданского общества только при

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.02.1996 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

² Там же.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

⁵ Там же.

соблюдении баланса интересов человека и государства.

Когда была отброшена коммунистическая идеология, на ее место пришла другая, в основу которой легли «демократические ценности», признанные общенациональными. Однако признание приоритета прав и свобод человека шло в ущерб общенациональным государственным интересам. Современный ход политического процесса подтвердил, что отсутствие баланса между интересами личности и общества не способствует формированию гражданского общества, готового нести ту самую патриотическую ответственность, и, как следствие эта ситуация спровоцировала появление угрозы потери национальной самоидентичности для России. Безусловно, такие явления как появление поклонников Навального, поливание грязью своей страны в социальных сетях, публичное отречение от Родины должны исследоваться отдельно как социальные девиации, но можно правомерно утверждать, что эти факты в том числе стали прямым последствием политики, проводимой властью в 1990-е гг.

В начале 2000-х годов произошла смена ориентиров российской внешней политики. Утвержденная в 2000 г. Концепция внешней политики Российской Федерации провозглашала «обеспечение надежной безопасности страны, ее суверенитета и территориальной ценности»¹.

В 2003 году Президентом были сформулированы базовые общенациональные ценности: сохранение уникального сообщества народов и подвиг народа во имя целостности страны², и поставлена задача необходимости консолидации вокруг них. И только в 2005 г. Президент говорит в Послании Федеральному Собранию о необходимости роста государственной самостоятельности России и укреплению ее суверенитета³. Это было продиктовано ухудшившимися российско-американскими отношениями и расширением НАТО на восток в 2004 г., что представляло угрозу российскому суверенитету. Одним из направлений, направленной на реализацию вышеуказанных задач стало развитие личности и гражданского общества в целом, что на первоначальном этапе должно было осуществиться за счет преодоления бюрократизма и коррупции в стране.

¹ Указ от 10 января 2000 г. N 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36216> (дата обращения 28 мая 2026 г.)

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.05.2003 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

Следующим шагом в укреплении Российского суверенитета стала деятельность по подъему престижа службы в Российской армии. В Послании 2006 года было озвучено, что «служба в Российской армии должна стать современной и по-настоящему престижной. Человек, защищающий Родину, должен иметь высокий общественный и материальный статус»¹. И тогда же прозвучали слова о необходимости развития в школах физической и военно-патриотической подготовки молодежи, возрождения допризывной подготовки, развития военно-технических видов спорта, а Правительству было поручено принять соответствующую программу.

В 2007 г. в целях укрепления российского суверенитета Президент поддерживает инициативу российских лингвистов о создании Национального фонда русского языка, деятельность которого направлена на развитие русского языка в стране, ближнем и дальнем зарубежье².

В 2008 Президентом РФ Д.А. Медведевым продолжен курс по укреплению российского суверенитета и формированию новых общенациональных ценностей. В первом своем Послании Федеральному Собранию Д.А. Медведев отметил, что «есть вещи, которыми нельзя поступиться, есть вещи, ради которых нужно бороться и побеждать. Это то, без чего мы не можем себе представить нашу страну»³. Президентом были обозначены следующие «нравственные ориентиры»:

- «справедливость - как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации - в системе международных отношений;

- свобода - личная, индивидуальная свобода. Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства;

- жизнь человека, его благосостояние и достоинство, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов;

- семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших;

- патриотизм, вера в Россию, глубокая привязанность к родному

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

³ Там же

краю, к нашей великой культуре»¹.

В 2010 году в Послании сделан акцент на необходимости патриотического воспитания молодежи и обновлению традиционных методов воспитания, при сохранении военно-патриотических игр, и активизации поисковой работы, благодаря которой устанавливаются имена погибших солдат, приводятся в порядок воинские памятники и мемориалы².

С 2012 г. начинается новый период формирования общенациональных ценностей, для которого характерна новая трактовка суверенитета России и отстаивание общенациональных, традиционных ценностей на международной арене.

В 2012 г. с Посланием к Федеральному собранию вновь обращается Президент В.В. Путин с ключевой темой суверенитета. Обращение не только символично прозвучало 12 декабря в День Конституции, но и провозгласило новый принцип российской государственности - общенародная ответственность за Родину перед нынешними и будущими поколениями. На фоне политических международных процессов было дано новое понимание суверенитета России. Новая трактовка включила в себя положение о том, что ресурсы страны важны и необходимы для сохранения геополитической востребованности России на международной арене, а не только для того, чтобы «все производить у себя»³.

Так же был выделен ряд нравственных проблем, которые могут представлять угрозу российскому суверенитету. Первая проблема заключалась в сокращении молодежи через 20 лет в 1,5 раза. Что бы минимизировать риск необходимо создать так называемые «жизненные перспективы» - хорошая и интересная работа, бизнес, жилье, крепкая семья.

Следующая проблема виделась «в равнодушии к общественным делам, готовности мириться с коррупцией, с проявлениями экстремизма и оскорбительного поведения, которое создает долгосрочные угрозы обществу, безопасности и целостности России»⁴.

Определенную угрозу для суверенитета представляет дефицит таких нравственных категорий как милосердие, сочувствие, сострадание друг другу. Поэтому предлагалось поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей и исторически

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_99072_9fa2a21b9d67_d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

² Там же

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

⁴ Там же

доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Это образование, культура и молодежная политика. Была поставлена задача возвращения ценности школе за счет обновления содержания образования уделяя внимание качеству преподавания русского языка, истории, литературы, основ светской этики и традиционных религий, т.е. тех предметов, которые формируют личность. Особо акцентировалось, что качественное обучение без воспитания невозможно, поэтому Правительству было поручено подготовить программу полноценного развития в школе современной воспитательной компоненты.

В 2013 г. общенациональные ценности России рассматриваются в контексте пересмотра многими странами норм морали и нравственности и признания равноценности противоположных по смыслу понятий. Поэтому Президентом акцентируется внимание, что в этих условиях возрастает историческая ответственность России, как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы. В том числе в международных отношениях.

В 2014 г. был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который предоставил Президенту РФ право издавать Указы, направленные на реализацию ключевых моментов ежегодных посланий Федеральному Собранию¹.

В 2014 г. в своем послании Федеральному Собранию В.В. Путин уравнивает либеральные ценности, такие как частная собственность и свобода предпринимательства с базовыми ценностями как патриотизм, уважение к истории, традициям и культуре своей страны и называет их консервативными, т.е. признавая, что и одни и другие ценности являются традиционными для России. И далее следует понимать, что благополучие России возможно только в случае партнерских отношений и равноправного диалога между государством и бизнесом².

После вхождения в состав Российской Федерации республики Крым, в послании 2015 г. прозвучали слова Президента, по сути ставшие обращением к народу со словами благодарности. В.В. Путин констатировал, что «действия государственной власти были поддержаны Российским обществом, которое проявило глубокое понимание тотальной угрозы терроризма, истинные патриотические чувства и высокие нравственные качества»³. Однако очевидно, что проблемы патриотического воспитания, ставшие следствием отказа от идеологии в 1990-е годы, оставались не решенными, хотя в по-

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 17.02.2025) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/a4aae4026d9ce6de09c2e4b22e757b3f19a6179a/ (дата обращения 23 ноября 2025 г.)

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

³ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы» (дата обращения 23 ноября 2025 г.)

слании Федеральному собранию в 2013 г. уже поднимался вопрос материальной и кадровой составляющей в школах.

В 2015 году в целях исполнения поставленных задач по патриотическому воспитанию населения страны, озвученных Президентом в Послании Федеральному Собранию принимается государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», где основной целью становится «создание условий для повышения гражданской ответственности населения за судьбу страны» путем укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России и обеспечения преемственности поколений¹.

Таким образом, настоящим документом подчеркивается, что благополучие человека напрямую связано с его самосознанием и самоидентификацией, ощущением связи с Родиной и сильным государством. Ведь только сильное независимое государство, имеющее общенациональные ценности, способно обеспечить благополучие человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-6.htm> (дата обращения 18 мая 2026 г.)

2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». Утверждена постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. N 1493 // URL: <https://base.garant.ru/71296398/#friends> (дата обращения 23 ноября 2025 г.)

3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.02.1996 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.05.2003 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». Утверждена постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. N 1493 // URL: <https://base.garant.ru/71296398/#friends> (дата обращения 23 ноября 2025 г.)

7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a2_1b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a2_1b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2_a2b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.11.2010 «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения 16 ноября 2025 г.)

13. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 17.02.2025) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/a4aae4026d9ce6de09c2e4b22e757b3f19a6179a/ (дата обращения 23 ноября 2025 г.)

14. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 295. URL: <https://base.garant.ru/57406915/> (дата обращения 23 ноября 2025 г.)

15. Речь И.В. Сталина на II Всесоюзном съезде Советов по поводу смерти В.И. Ленина. 26 января 1924 г. // И.В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 46-51. Впервые опубликовано в газете «Правда», № 23, 30 января 1924 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/343318-rech-i-v-stalina-na-ii-vsesoyuznom-sezde-sovetov-po-povodu-smerti-v-i-lenina-26-yanvarya-1924-g> (дата обращения 28 мая 2026 г.)

16. О проекте Конституции Союза ССР. Из доклада И.В. Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. // Сталин И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М., 1937. С. 42-43. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/93502-o-proekte-konstitutsii-soyuz-a-ssr-iz-doklada-i-v-stalina-na-viii-chrezvychaynom-sezde-sovetov-25->

ноуабрыя-1936-г (дата обращения 28 мая 2026 г.)

17. УКАЗ от 10 января 2000 г. N 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36216>(дата обращения 28 мая 2026 г.)

18. Черепнин, Л.В. Земские соборы русского государства В XVI-XVII вв. [Текст] / Л.В. Черепнин // М.: Наука, 1978. — 420 с.

REFERENCES

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993] [*Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.]*. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-6.htm> (accessed on May 18, 2026).

2. State Program “Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016-2020”. Approved by the Government of the Russian Federation on December 30, 2015, No. 1493 [*Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gody». Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2015 g. N 1493*]. URL: <https://base.garant.ru/71296398/#friends> (accessed November 23, 2025)

3. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/23/1996 [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 23.02.1996*]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99_072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

4. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 03/30/1999 “Russia at the turn of an Epoch (on the situation in the country and the main policy directions of the Russian Federation)” [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 30.03.1999 “Rossiya na rubezhe epoch (o polozhenii v strane i osnovnyh napravleniyah politiki Rossijskoj Federacii)”*]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

5. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 07/08/2000 “What kind of Russia are we building” [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 08.07.2000 “Kakuyu Rossiyu my stroim”*] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

6. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 05/16/2003 “Message from the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation.” [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 16.05.2003 “Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF”*] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

7. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 04/25/2005 “Message from the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation” [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 16.05.2003 “Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF”*]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/

www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a2b9d67d1f-497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

8. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 05/10/2006 "Message from the President of Russia Vladimir Putin To the Federal Assembly of the Russian Federation" [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 10.05.2006 "Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF"*]. URL: https://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a2b9d67d1f-497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

9. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 04/26/2007 "Message from the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation". [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 26.04.2007 "Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF"*]. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a2b9d67d1f-497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed on November 16, 2025).

10. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated November 5, 2008. [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 05.11.2008 "Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu"*]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed on November 16, 2025)

11. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated November 30, 2010, "Address of the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation". [*Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 30.11.2010 "Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii"*]. URL: https://www.consultant.ru/ document/ cons _doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed on November 16, 2025)

12. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated December 12, 2012, "Address of President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation". [*Poslanie Prezidenta Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF"*]. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b967d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed November 16, 2025)

13. Federal Law No. 172-FZ of 06/28/2014 (as amended on 02/17/2025) "On Strategic Planning in the Russian Federation. [*O strategicheskoy planirovani v Rossijskoj Federacii*]. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_164841/a4aae4026d9ce6de09c2e4b22e757b3f19a6179a/ (accessed November 23, 2025)

14. State Program of the Russian Federation "Development of Education" for 2013-2020. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014, No. 295. [*Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii "Razvitie obrazovaniya" na 2013 - 2020 gody. Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g.*]. URL: <https://base.garant.ru/57406915/> (accessed on November 23, 2025)

15. Speech by I.V. Stalin at the II All-Union Congress of Soviets on the death of V.I. Lenin. January 26, 1924 [*Rech' I.V. Stalina na II Vsesoyuznom s"ezde Sovetov po povodu smerti V.I. Lenina. 26 yanvarya 1924*

g.] // I.V. Stalin. Works, vol. 6, pp. 46-51. First published in the newspaper Pravda, No. 23, January 30, 1924. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/343318-rech-i-v-stalina-na-ii-vsesoyuznom-sezde-sovetov-po-povodu-smerti-v-i-lenina-26-yanvarya-1924-g> (accessed on May 28, 2026)

16. On the Draft Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics. From Stalin's report at the Eighth Extraordinary Congress of Soviets. November 25, 1936 [*O proekte Konstitucii Soyuza SSR. Iz doklada I. V. Stalina na VIII Chrezvychajnom sezde Sovetov. 25 noyabrya 1936 g.*] // Stalin I.V. Report on the draft Constitution of the USSR. Moscow, 1937. pp. 42-43. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/93502-o-proekte-konstitutsii-soyuza-ssr-iz-doklada-i-v-stalina-na-viii-chrezvychaynom-sezde-sovetov-25-noyabrya-1936-g> (accessed May 28, 2026)

17. Decree No. 24 of January 10, 2000 "On the Concept of National Security of the Russian Federation" [*Ukaz ot 10 yanvarya 2000 g. N 24 «O koncepcii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii»*]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36216> (date of appeal May 28, 2026)

18. Cherepnin, L.V. Zemsky sobors of the Russian state in the XVI-XVII centuries [*Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI-XVII vv.*] / L.V. Cherepnin // M.: Nauka, 1978. — 420 p.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIOLOGY OF EDUCATION

КАРИМОВА Людмила Федоровна
кандидат социологических наук,
доцент, доцент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
lyudmila_vyargizova@mail.ru

KARIMOVA Lyudmila Fedorovna
Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Penza State
University, Penza, Russia
lyudmila_vyargizova@mail.ru

КОСМАЧЕВА Ева Вячеславовна
студент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
kosmacheva0@bk.ru

KOSMACHEVA Eva Vyacheslavovna
student, Penza, State University,
Penza, Russia
kosmacheva0@bk.ru

МИРЯЕВА Анастасия Федоровна
студент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
mirnastja04@gmail.com

MIRYAEVA Anastasia Fedorovna
Student, Penza, State University,
Penza, Russia
mirnastja04@gmail.com

ПОПОВА Дарья Владимировна
студент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия

POPOVA Darya Vladimirovna
student, Penza, State University,
Penza, Russia

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-53-60

Формирование толерантной среды в вузе как условие успешной адаптации иностранных студентов/ Formation of a tolerant environment at the university as a condition for successful adaptation of international students¹

Аннотация

В статье выявлена прямая корреляционная связь между показателями толерантности академической среды и успешностью адаптации иностранных студентов. Установлено, что интегральный индекс толерантности образовательной среды на 58% предопределяет вариативность адаптационных показателей. Эмпирически подтверждено, что наиболее значимыми предикторами успешной адаптации выступают: межличностная толерантность в диаде «преподаватель–иностранный студент», инклюзивность внеучебной коммуникации и языковая поддержка. Разработана и апробирована

¹ Статья подготовлена в рамках ректорского гранта «Код команды: ИЭиУ».

уровневая модель толерантной среды (высокий, средний, низкий уровни), включающая структурный, коммуникативный и деятельностный компоненты. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для проектирования адаптационных программ в системе высшего образования.

Ключевые слова

Толерантная образовательная среда; иностранные студенты; социокультурная адаптация; академическая адаптация; межкультурная коммуникация.

Abstract

The article reveals a direct correlation between the indicators of tolerance of the academic environment and the success of adaptation of foreign students. It is established that the integral index of tolerance of the educational environment determines the variability of adaptation indicators by 58%. It has been empirically confirmed that the most significant predictors of successful adaptation are: interpersonal tolerance in the dyad "teacher–foreign student", inclusivity of extracurricular communication and language support. A level model of a tolerant environment (high, medium, and low levels) has been developed and tested, including structural, communicative, and activity components. The practical significance of the research lies in the possibility of using the results obtained to design adaptation programs in the higher education system.

Keywords

Tolerant educational environment; international students; socio-cultural adaptation; academic adaptation; intercultural communication; higher school pedagogy.

Интернационализация высшего образования и государственный курс на экспорт российских образовательных услуг выводят проблему адаптации иностранных студентов в разряд стратегически значимых. По данным Минобрнауки РФ, к 2025 году число иностранных обучающихся в российских вузах перевалило за 355 тысяч, и ежегодно оно растёт на 8–12%. Но если посмотреть на реальную картину, то, по оценкам экспертов, от 18 до 27% иностранных студентов в разной степени сталкиваются с дезадаптацией [7]. Это не просто «трудно привыкнуть» – последствия основательные: падает успеваемость, растёт риск отчисления, причём довольно серьёзный.

Толерантная образовательная среда в современных условиях представляет собой системное условие, которое позволяет сглаживать барьеры межкультурного общения и обеспечивать психологическую безопасность для всех участников учебного процесса. И хотя важность данного пространственного взаимодействия признают многие ученые, конкретных теоретических и эмпирических исследований, которые бы

объясняли, как именно параметры толерантности образовательной среды влияют на то, как иностранные студенты проходят адаптацию, недостаточно.

Теоретико-методологическая база текущего исследования опирается на три ключевых направления. Первое – научные работы по образовательной среде В. А. Ясвина, С. Д. Дерябо, И. М. Улановской, где прописаны критерии и показатели средового подхода в педагогике [8]. Второе – теории межкультурной коммуникации и аккультурации (Дж. Берри, Т. Г. Стефаненко, Н. М. Лебедева): авторы обосновывают стратегии, которые выбирает человек, попадая в инокультурную среду [2, 5]. Третье – педагогика высшей школы и дидактика профессионального образования. Такие ученые как М. Н. Дудина, Б. А. Белькевич) рассматривают организационно-педагогические условия, позволяющие организовать учебный процесс более эффективно [1, 3].

Целью научной статьи – теоретическое обоснование и эмпирическая проверка модели формирования толерантной среды как условия успешной адаптации иностранных студентов в вузе. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: выявить структурные компоненты толерантной образовательной среды и определить их взаимосвязь с адаптационными процессами; разработать диагностический инструментарий оценки уровня толерантности среды и адаптированности иностранных студентов; эмпирически установить корреляционные и причинно-следственные связи между параметрами толерантной среды и показателями адаптации; разработать практические рекомендации по проектированию толерантной среды в вузе.

В исследованиях, проведенных специалистами в области психологии и социологии Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко приняли участие 438 иностранных студентов. География охватила 27 российских вузов: среди них 17 технических, 8 классических университетов и 2 педагогических. По странам происхождения распределение выглядит так: выходцы из стран СНГ – 42%, студенты из Азии (Китай, Вьетнам, Индия) – 38%, представители Ближнего Востока и Северной Африки – 12%, остальные 8% приходятся на другие регионы. Гендерный баланс почти равный: 52% юношей, 48% девушек. Средний возраст – 21,3 года. Что касается курса обучения: на первом курсе – 45% опрошенных, на втором – 28%, на третьем-четвёртом – 27%. Критерии отбора были четкими: статус иностранного студента очной формы и срок пребывания в России не менее трёх месяцев. Для сбора данных использовали несколько методик, которые хорошо дополняют друг друга [5].

1. Авторский опросник «Толерантность образовательной среды вуза». Он включает 32 утверждения, сгруппированных в три шкалы. Структурная толерантность – насколько доступны ресурсы, адаптирована ли документация. Коммуникативная толерантность – как выстроено взаимодействие, принимаются ли культурные различия.

Деятельностная толерантность – насколько мероприятия инклюзивны, поддерживаются ли студенческие инициативы. Надёжность шкал проверили через коэффициент альфа Кронбаха: значения получились в диапазоне 0,87–0,92, что говорит о хорошей внутренней согласованности.

2. Шкала адаптированности иностранных студентов (модифицированный вариант опросника С. Д. Артемова). Она оценивает три вида адаптации: академическую (успеваемость, насколько студент доволен обучением), социокультурную (знание и принятие местных норм поведения, круг социальных контактов), психологическую (эмоциональное состояние, отсутствие выраженного дистресса). На основе теоретического анализа и представленных результатов удалось выделить три уровня толерантной среды – высокий, средний и низкий.

Высокий уровень (интегральный показатель от 67 до 100 баллов). Его признаки: системная поддержка культурного разнообразия закреплена на институциональном уровне; работают специализированные структуры – отделы по работе с иностранными студентами, центры межкультурной коммуникации; учебное и внеучебное пространство построено на принципах инклюзивности; в парах «преподаватель – иностранный студент» и «иностранный студент – российский студент» преобладают кооперативные стратегии. В проведенном исследовании 29,6% респондентов отметили высокий уровень толерантной среды в вузе.

Средний уровень (34–66 баллов). Здесь формальные механизмы поддержки иностранных студентов есть, но их реальная эффективность невысока. Толерантность проявляется скорее ситуативно, отдельные барьеры межкультурной коммуникации сохраняются – чаще всего языкового свойства. Средний уровень толерантности в вузе отметили 48,2% иностранных студентов образовательных учреждений.

Низкий уровень (0–33 балла). Это значит, что системная работа по формированию толерантной среды практически отсутствует. Проявления интолерантного поведения встречаются часто, не хватает адаптационных программ и языковой поддержки. Доля респондентов, отметившая низкий уровень толерантности составила 22,2%.

Обобщённые результаты по адаптированности иностранных студентов представлены в Таблице 1.

Анализируя общую картину, необходимо отметить, что самым узким местом является социокультурная адаптация. Средний балл данного вида адаптации составляет всего 3,18. Причина вполне очевидна: студент попадает в среду с непривычными нормами, традициями, повседневными правилами, которые нужно заново осваивать, а быстро не получается.

Академическая адаптация протекает немного легче: средний балл 3,42. Учебный процесс довольно формализован, алгоритмы действий прописаны чётко – что делать, в какие сроки, по каким

критериям оценивают. Данная определённости помогает, особенно на первом курсе. Что касается связи между средой и адаптацией, то корреляции по Спирмену (непараметрический метод, подходящий для таких данных) показали, что интегральный показатель толерантности образовательной среды значимо и положительно связан со всеми тремя видами адаптации иностранных студентов. Результаты связи параметров толерантной среды и адаптации иностранных студентов представлены в Таблице 2.

Таблица 1 – Показатели адаптированности иностранных студентов (N=438)

Вид адаптации	Средний балл	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %
Академическая адаптация	3,42	0,78	22,8
Социокультурная адаптация	3,18	0,91	28,6
Психологическая адаптация	3,35	0,84	25,1
Интегральный показатель	3,32	0,79	23,8

Таблица 2 – Корреляционные матрицы связи параметров толерантной среды и адаптации иностранных студентов

Компоненты толерантной среды	Академическая адаптация	Социокультурная адаптация	Психологическая адаптация
Структурная толерантность	0,52	0,48	0,41
Коммуникативная толерантность	0,68	0,71	0,59
Деятельностная толерантность	0,44	0,56	0,47
Интегральный индекс толерантности	0,67	0,73	0,61

Наиболее тесная связь обнаружена между интегральным индексом толерантности среды и социокультурной адаптацией - $r=0,73$. Данный результат подтверждает, что решающую роль в процессе вхождения иностранного студента в принимающее сообщество играет именно толерантная коммуникативная среда. Кроме того, высокие коэффициенты корреляции коммуникативной толерантности со всеми видами адаптации ($r=0,59-0,71$) дают основание считать данный компонент центральным в предлагаемой модели.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA установлено статистически значимое влияние уровня толерантности образовательной среды (независимая переменная) на показатели адаптации иностранных студентов (зависимые переменные). Результаты влияния уровня толерантности среды на адаптацию ино-

странных студентов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты ANOVA влияния уровня толерантности среды на адаптацию иностранных студентов

Вид адаптации	F-критерий Фишера	Уровень значимости p	Эффект размера η^2
Академическая адаптация	24,37	<0,001	0,31
Социокультурная адаптация	31,52	<0,001	0,38
Психологическая адаптация	18,94	<0,001	0,26

Последующее сравнение с применением теста Тьюки (post-hoc) выявило значимые различия между всеми тремя уровнями толерантности среды. Студенты, обучающиеся в вузах с высоким уровнем толерантности среды, демонстрируют интегральный показатель адаптированности в 1,8 раза выше по сравнению со студентами из вузов с низким уровнем толерантности (4,21 против 2,34 балла).

Полученные результаты дают основание заключить: толерантная образовательная среда – не факультативное, а системообразующее условие успешной адаптации иностранных студентов. Выявленные коэффициенты корреляции ($r=0,61-0,73$) близки к показателям зарубежных исследований (Smith & Khawaja, 2021; Zhang & Goodson, 2022). При этом предложенная уровневая модель и количественная оценка вклада отдельных предикторов дополняют существующие разработки в этой области [9, 10].

Отдельно стоит отметить следующий факт: коммуникативная толерантность (то есть толерантность, проявляемая в непосредственном межличностном взаимодействии) влияет на адаптацию сильнее, чем структурные механизмы поддержки. С практической точки зрения это важно: одних специализированных отделов и формальных адаптационных программ недостаточно, если они не подкреплены толерантными установками у всех участников образовательного процесса, и в первую очередь – у преподавателей.

Сравнение с результатами исследований, проведённых в других социокультурных контекстах (Европа, Китай, страны Ближнего Востока), обнаруживает как универсальные закономерности, так и культурно-специфические черты. К числу универсальных относится высокая значимость неформальной поддержки со стороны принимающего сообщества. Российская специфика проявляется в более высокой значимости толерантности именно преподавателя, а не студентов-сверстников – по всей видимости, это связано с традиционно более высокой дистанцией власти в отечественной академической культуре.

Важно учесть следующие ограничения в результате проведения данного исследования: поскольку исследование корреляционное, делать однозначные выводы о причинно-следственных связях нельзя. Выборка, хотя и репрезентативна по географическому и институциональному признакам, не охватывает иностранных

студентов, которые были отчислены или прервали обучение, – это создаёт риск так называемого эффекта «выжившего». К тому же все данные собраны методом самоотчёта, а значит, не исключены социально желательные ответы.

На основе проведённого теоретического и эмпирического исследования можно сформулировать следующие положения.

1. Толерантная образовательная среда вуза – многомерный конструкт. В ней выделяются три компонента: структурный (институциональные механизмы поддержки), коммуникативный (характер межличностного взаимодействия) и деятельностный (насколько совместная активность построена на принципах инклюзивности). Предложенная уровневая модель (высокий, средний и низкий уровни толерантности) даёт возможность проводить дифференцированную диагностику и целенаправленно проектировать развивающие мероприятия.

2. Между интегральным показателем толерантности среды и успешностью адаптации иностранных студентов обнаружена прямая статистически значимая связь. Самые сильные корреляции приходятся на социокультурный вид адаптации – это подтверждает, что толерантная среда играет ключевую роль в преодолении межкультурных барьеров.

3. Три наиболее значимых предиктора успешной адаптации получили эмпирическое подтверждение: межличностная толерантность в паре «преподаватель – иностранный студент», инклюзивность внеучебного общения и языковая поддержка. Все вместе эти факторы объясняют 58% различий в адаптационных показателях [6].

Полученные количественные данные пригодны для мониторинга того, насколько эффективны адаптационные программы в системе высшего образования. Их также можно использовать для адресного планирования мер, направленных на повышение толерантности образовательной среды.

БИБЛИОГРАФИЯ

1 Белькевич Б. А. Педагогика высшей школы: республиканский межведомственный сборник. Минск: Вышэйшая школа, 1982. 127 с.

2 Берри, Дж. Аккультурация и адаптация: психологические // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 8–16.

3 Дудина М. Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 151 с.

4 Крупченко А. К. Формирование межкультурной компетенции будущих специалистов в техническом вузе // Высшее образование в России. 2023. № 3. С. 78–89.

5 Лебедева, Н. М. Этническая толерантность в поликультурных регионах России : научное издание / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва : Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. — 293 с.

6 Рябова Т. В. Адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза: факторы и барьеры // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 1. С. 42–58.

7 У России есть кому поучиться <https://www.kommersant.ru/doc/8398867?ysclid=mq137kula1999931589> (дата обращения:

01.06.2026).

8 Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.

9 Smith R. A. A review of the acculturation experiences of international students // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 35, No. 6. P. 699–713.

10 Zhang J. Acculturation and adaptation of international students in China: The role of social support // *International Journal of Intercultural Relations*. 2022. Vol. 86. P. 147–159.

REFERENCES

1. Belkevich B.A. Pedagogy of Higher School: Republican Interdepartmental Collection [*Pedagogika vysshey shkoly: respublikanskiy mezhdovedstvennyy sbornik*]. — Minsk: Vysheyshaya shkola, 1982. 127 p.

2. Berry J. Acculturation and Adaptation: Psychological [Akkul'turatsiya i adaptatsiya: psikhologicheskiye] // *Cultural-Historical Psychology [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]*. 2018. Vol. 14, No. 1. Pp. 8–16.

3. Dudina M.N. Didactics of Higher School: From Traditions to Innovations: Textbook for Universities [*Didaktika vysshey shkoly: ot traditsiy k innovatsiyam: uchebnoye posobiye dlya vuzov*]. — Moscow: Yurayt, 2022. 151 p.

4. Krupchenko A.K. Formation of Intercultural Competence of Future Specialists in a Technical University [*Formirovaniye mezhkul'turnoy kompetentsii budushchikh spetsialistov v tekhnicheskoy vuz*] // *Higher Education in Russia [Vyssheye obrazovaniye v Rossii]*. 2023. No. 3. Pp. 78–89.

5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Ethnic Tolerance in Multicultural Regions of Russia [*Etnicheskaya tolerantnost' v polikul'turnykh regionakh Rossii*]. — Moscow: Publishing House of Peoples' Friendship University of Russia, 2002. 293 p.

6. Ryabova T.V. Adaptation of Foreign Students to the Educational Environment of a Russian University: Factors and Barriers [*Adaptatsiya inostrannykh studentov k obrazovatel'noy srede rossiyskogo vuz: faktory i bar'yery*] // *Integration of Education [Integratsiya obrazovaniya]*. 2024. Vol. 28, No. 1. Pp. 42–58.

7. Russia Has Someone to Learn From [*U Rossii yest' komu pouchit'sya*] [Electronic resource] // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8398867> (accessed: 01.06.2026).

8. Yasvin V.A. Educational Environment: From Modeling to Design [*Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proyektirovaniyu*]. — Moscow: Smysl, 2001. 365 p.

9. Smith R.A. A review of the acculturation experiences of international students // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 35, No. 6. Pp. 699–713.

10. Zhang J. Acculturation and adaptation of international students in China: The role of social support // *International Journal of Intercultural Relations*. 2022. Vol. 86. Pp. 147–159.

МАНОВА Маргарита Викторовна
доцент, кандидат
социологических наук,
Тольяттинский государственный
университет, Тольятти, Россия
manmarga@mail.ru

MANOVA Margarita Viktorovna
Associate Professor, Candidate
of Sociological Sciences, Tolyatti
State University, Tolyatti, Russia
manmarga@mail.ru

ИВАНОВА Татьяна Николаевна
доцент, доктор социологических
наук, Тольяттинский
государственный университет,
Тольятти, Россия
IvanovaT2005@tlttsu.ru

IVANOVA Tatyana Nikolaevna
Associate Professor, Doctor of
Sociological Sciences, Togliatti
State University, Tolyatti, Russia
IvanovaT2005@tlttsu.ru

ЯРЦЕВА Ульяна Вячеславовна
бакалавр-студент 4 курса
Тольяттинский государственный
университет, Тольятти, Россия
uliana.step04@mail.ru

YARTSEVA Ulyana Vyacheslavovna
4th year bachelor student,
Tolyatti State University, Tolyatti,
Russia
uliana.step04@mail.ru

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-115-2-59-67

Оценка вовлеченности в государственную молодежную политику студентами регионального опорного вуза /Assessment of students' involvement in state youth policy at a regional reference university

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о состоянии государственной молодёжной политики в Российской Федерации, которая обладает развитой нормативно-правовой базой и сложной институциональной структурой (федеральные и региональные агентства, грантовые конкурсы, форумы, молодёжные парламенты и др.). Однако существует разрыв между формальным существованием этих мер и их субъективным восприятием молодёжи. Если молодые люди не знают о возможностях, не могут получить к ним доступ или считают их безрезультативными, то государственная молодёжная политика, как инструмент социализации, теряет свою эффективность, легитимность и потенциал. Результаты исследования позволяют определить, существует ли этот разрыв в конкретной студенческой среде и каковы его параметры. Вопросы молодёжной политики на протяжении последних десятилетий являются актуальными, так как молодёжь одновременно является объектом воздействия государства и активным субъектом общественного развития, формируя ценности, поведение и социальные ожидания, которые определяют направление будущих экономических, социальных и культурных процессов.

Ключевые слова

Государственная молодежная политика; инструмент социализации; студенческая среда; субъективная позиция; социальные институты.

Abstract

The article examines the state of state youth policy in the Russian Federation, which has a well-developed legal framework and a complex institutional structure (federal and regional agencies, grant competitions, forums, youth parliaments, etc.). However, there is a gap between the formal existence of these measures and their subjective perception by young people. If young people are unaware of the available opportunities, cannot access them, or consider them ineffective, then state youth policy as a tool for socialization loses its effectiveness, legitimacy, and potential. The results of the study make it possible to determine whether this gap exists in a particular student environment and what its parameters are. Over the past few decades, youth policy issues have become increasingly relevant, as young people are both the target of government influence and active participants in social development, shaping the values, behaviors, and social expectations that shape future economic, social, and cultural processes.

Keywords

State youth policy; socialization tool; student environment; subjective position; and social institutions.

Государственная молодежная политика в научной литературе анализируется через призму сложной многоуровневой системы институтов и механизмов, которые создают условия для целенаправленного и институционально регулируемого развития молодежной социализации, подчеркивая, как социально-экономическую и демографическую значимость молодежи, так и её функцию в сохранении политической, культурной и ценностной преемственности общества. Российские институты государственной молодежной политики представляют собой комплекс взаимосвязанных структур, где социальные и административные элементы функционируют согласованно для того, чтобы направлять процессы социализации молодежи и обеспечивать формирование её ценностей, гражданской позиции и моделей поведения в обществе.

Новые подходы к молодежной политике, отходящие от ограниченного административного понимания, рассматривают институциональную среду как базовую платформу, задающую четкие рамки для социализации, благодаря чему механизмы политики становятся согласованными, стабильными и способными к воспроизводству на разных уровнях государственного воздействия. Как подчеркивала И.С. Шаповалова, «восприятие молодежной политики самими молодыми людьми напрямую зависит от того,

насколько последовательно и согласованно функционируют институты, вовлеченные в ее реализацию, поскольку институциональная разрозненность порождает эффект формальности и отчуждения от декларируемых целей»¹.

Государственные органы власти выступают центральным элементом в механизме реализации государственной молодежной политики, определяя нормативные рамки, программные инициативы и организационные структуры, что позволяет встроить молодежную политику в единую систему государственного управления и обеспечивать согласованное функционирование различных уровней власти. Федеральный уровень представлен Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь), которое несет ответственность за подготовку стратегических документов, реализацию федеральных программ и координацию молодежных проектов на всей территории Российской Федерации, обеспечивая единство и согласованность государственной политики². Региональные органы власти, такие как Министерство молодёжной политики Самарской области, обеспечивают адаптацию федеральных программ под специфические условия регионов, принимая во внимание социально-экономические реалии, демографические особенности и культурные традиции конкретных территорий³. В контексте социализации органы власти выполняют не только регулятивные функции, но и формируют у молодежи понимание государства как ключевого социального института, который способен быть партнером, обеспечивать социальные возможности, укреплять доверие к институтам и способствовать становлению гражданской идентичности.

Анализ зарубежных практик демонстрирует, что в основе молодёжной политики ряда государств лежит партнёрство между органами власти и институтами гражданского общества. Так, в Германии функционирует комплексная система поддержки молодёжи в рамках программ Jugendpolitik⁴. В свою очередь, Европейский союз реализует стратегию «EU Youth Strategy», направленную на вовлечение молодых людей в формирование общественно-политической повестки»⁵. Ещё одним примером является электронная платформа

¹ Шаповалова И.С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. – 2021. – Т. 29. – № 4 (117). – С. 922.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 22. – Ст. 2586.

³ Постановление Правительства Самарской области от 19.10.2023 №831 «Об утверждении Положения о министерстве молодежной политики Самарской области» // [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.samregion.ru/wp-content/uploads/sites/2/2023/10/1910_831.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

⁴ Jugend Politik Tage 2025 [Электронный ресурс] – URL: <https://jugendpolitiktage.de/> (дата обращения: 19.01.2026).

⁵ EU Youth Strategy – European Youth Portal [Электронный ресурс] – URL: <https://youth.europa.eu/>

«Молодёжное обращение» в Узбекистане, обеспечивающая прямой диалог между молодёжью и государственными служащими¹. В Южной Африке делается акцент на структурном партнёрстве для преодоления разрыва между поколениями. Примером стала разработка Национальной политики в области здоровья подростков и молодёжи (Adolescent and Youth Health Policy, AYHP), в рамках которой государственные органы, исследователи и молодёжные активисты сотрудничали на всех этапах её создания². На Филиппинах одним из главных факторов, повлиявшим на развитие демократии, являлось участие молодёжи в политической жизни страны, что говорит о том, что эффективная молодёжная политика как регулятор социализации строится на принципах партнерства, соучастия и коммуникации между властью, обществом и молодыми людьми³. В отличие от этих моделей, в Российской Федерации преобладает централизованная модель управления данной сферой. Подобный подход, обеспечивая единообразие решений, одновременно может снижать гибкость и адаптивность политики к региональным особенностям и локальным запросам. Разнообразные инструменты реализации молодежной политики совместно создают интегрированную платформу, через которую государство оказывает системное влияние на процесс социализации молодых граждан.

Особое значение приобретает изучение субъективного восприятия студентами основных направлений государственной молодежной политики, поскольку именно характер этого восприятия определяет реальную эффективность нормативно-правовых регуляторов социализации. В анкетировании приняли участие студенты Тольяттинского государственного университета в возрасте от 18 до 26 лет, с 1 по 4 курс обучения, магистранты и аспиранты. По критерию курса, на котором студент обучается в момент проведения исследования, показатели представлены: 3–4 курс – 58,9%, 1–2 курс – 34,9%, магистратура/аспирантура – 6,2%.

Результаты количественного анализа демонстрируют высокую
europa.eu/strategy_en (дата обращения: 19.01.2026).

¹ Abdunazarov, Sobir. (2021). On Current Problems And Solutions In The Implementation Of State Youth Policy In Uzbekistan. The American Journal of Political Science Law and Criminology. 03. P.89. [Электронный ресурс] – URL: https://www.researchgate.net/publication/351488579_On_Current_Problems_And_Solutions_In_The_Implementation_Of_State_Youth_Policy_In_Uzbekistan (дата обращения: 19.01.2026).

² O'Connell LK, Botchwey N. Supporting Youth Participation in Health and Climate Justice Through Advocacy Training Comment on «Between Rhetoric and Reality: Learnings From Youth Participation in the Adolescent and Youth Health Policy in South Africa». // International Journal of Health Policy and Management. 2023. Vol. 12. Article 7898. DOI: 10.34172/ [Электронный ресурс] – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10843366/> (дата обращения: 19.01.2026).

³ Electoral Integrity, Housing Inclusion, and Youth Governance in the Philippines: A Document-Based Systems Analysis for Inclusive Societal Transformation [Электронный ресурс] – URL: <https://www.researchgate.net/publication/404208506> (дата обращения: 19.01.2026).

вовлечённость и позитивную оценку молодёжной политики среди студентов: более 90% считают участие реальным, свыше 80% имеют опыт участия, при этом выявляется устойчивая закономерность – девушки (77% позитивных оценок) воспринимают молодёжную политику как эффективный ресурс развития чаще, чем юноши (63%), хотя ключевые мотивы (общение, новые знакомства), барьеры (нехватка времени) и каналы информирования (соцсети) носят универсальный характер. Наиболее эффективными направлениями молодёжной политики, реализуемые в ТГУ, признаны студенческое самоуправление (64%), творческие фестивали (62%) и волонтерство (57%).

Побуждающим мотивом участия в молодёжных программах у респондентов мужского пола выявлены в большей степени прагматические мотивы (материальная выгода в виде стипендий, карьерные навыки, польза для города), а у респондентов студентов женского пола – эмоционально-компенсаторные (интересное времяпрепровождение, обучение, личное портфолио). Универсальным мотивом для всех респондентов является общение (55%) и новые знакомства (54%).

Основными барьерами участия в программах молодёжной политики среди респондентов являются: отсутствие времени (52%), неподходящие под интересы направления программ (48%), отсутствие пользы для себя (46%), неинтересные форматы мероприятий (43%). Приоритетными направлениями для улучшения системы работы с молодёжью являются: повышение финансирования (46%); разнообразие форматов и направлений (42%), получение обратной связи от организаторов мероприятий, обмен мнениями (39%).

Качественный этап – интервью с респондентами (бакалавры и магистранты), позволило выяснить, насколько фактически реализуемая молодёжная политика эффективно выполняет функцию регулятора социализации в восприятии молодёжи. Вопросы были разделены на два смысловых блока: общее восприятие молодёжной политики (что это такое, кому и зачем она необходима, есть ли реальная польза), оценка конкретных механизмов и личного опыта (какие программы/инструменты помогают социализироваться, находить своё место в обществе и реализовывать потенциал, а что бесполезно или мешает).

Респонденты понимают молодёжную политику как поддерживающий и развивающий механизм. Восприятие варьируется от простых определений (методы развития, организация поддержки) до более сложных (система социальных лифтов, мост, сообщество-семья), позволяющая выйти за рамки учебы в творческую, социальную и профессиональную сферы. Наиболее эффективными инструментами государственной молодёжной политики, способствующими социализации и самореализации, выступают гибридные механизмы федерального и внутривузовского уровней. Ключевую роль играют грантовые конкурсы («Росмолодёжь») и масштабные форумы

(«иВолга», «Твой Ход»), которые предоставляют доступ к ресурсам, экспертному сообществу и практике проектного управления. На уровне университета значимую функцию выполняют программы адаптации (например, «Академия первокурсника»), органы студенческого самоуправления (студсоветы, Профком) и творческие/спортивные объединения, создающие комфортную среду для вхождения в студенческую жизнь. При этом студенты подчеркивают важность символических стимулов (продукция с символикой, признание участия) и отмечают, что успех во многом зависит от инициативы самого обучающегося. «Гранты, проекты и программы являются лишь стартовой линией для начала личностного роста, однако стартовать тоже надо уметь. Ни один студент не способен «найти» себе место в проекте или программе, он создаёт его сам, постепенно вливается в коллектив и творит свою роль благодаря своим определённым чертам личности, которые он развивает с самого рождения» (студент магистрант).

Анализ ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы лично какую-то пользу от молодежной политики?» показывает, что большинство респондентов прямо связывают с ней свой позитивный опыт социализации, приобретения организаторских навыков, новых знакомств и возможностей для самореализации. При этом ключевым фактором, отличающим «реальную пользу» от «работы для галочки», является, по мнению респондентов, личная активность студентов: «Для меня и моих друзей молодёжная политика не «галочка», потому что мы через неё реально управляем своей студенческой жизнью. «Галочкой» это становится только в одном случае, если студент пассивен и ждет, что кто-то принесет ему успех на блюдечке. А если ты сам пишешь проект, едешь на форум, принимаешь участие в деятельности студсовета, то это самая эффективная школа жизни». Таким образом, молодёжная политика оценивается студентами как реально работающий, а не формальный и бесполезный механизм.

В качестве решений по преодолению барьеров участия в программах молодежной политики респонденты предлагают конкретные действия: это развитие наставничества с участием практиков: «Программы, где директор предприятия полгода ведёт студенческую команду, полезнее сотни вебинаров» (магистрант 1 курса); системная просветительская работа, создание понятных условий для вступления новичков, необходимость усиления роли компетентных руководителей: «Решение – рациональные личности в виде ведущих лиц. У нас конечно же такие есть, но их единицы» (студент бакалавр 4 курса).

Выводы демонстрируют необходимость смещения акцента с формальных показателей вовлечённости на качество взаимодействия и реальную поддержку инициатив молодёжи. Необходимо фокусироваться на содержательной пользе для молодых людей, чтобы участие в молодёжной политике действительно меняло их

жизнь к лучшему: давало навыки, связи, ресурсы для собственных проектов и уверенность в том, что их услышат и поддержат. В ходе интервьюирования выявлены расхождения между нормативным замыслом молодёжной политики (как системного регулятора социализации) и её восприятием и реализацией на уровне студенческой практики. С одной стороны, студенты ТГУ позитивно оценивают потенциал федеральных и внутривузовских инструментов (гранты «Росмолодёжь», форумы «иВолга» и «Твой Ход», «Академия первокурсника», органы самоуправления) – они признаются значимыми площадками для развития компетенций. С другой стороны, критические замечания респондентов (о «массовке для фотоотчётов», о барьерах для «человека без связей», о слабом понимании роли самоуправления институтами) указывают на сохраняющийся формализм, неравенство доступа и недостаточную информированность.

Таким образом, можно отметить, что молодёжная политика в ТГУ представляет собой сформированную, открытую и востребованную систему, однако её реализация сталкивается с рядом вызовов. Для перехода от точечной эффективности к системной результативности целесообразно сосредоточиться на снижении бюрократической нагрузки, повышении прозрачности механизмов участия и развитии форматов наставничества, чтобы ещё больше расширить доступ к возможностям молодёжной политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Шаповалова И.С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионоведение. – 2021. – Т. 29. – № 4 (117). – С. 902–932.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 22. – Ст. 2586.
3. Постановление Правительства Самарской области от 19.10.2023 №831 «Об утверждении Положения о министерстве молодежной политики Самарской области» // [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.samregion.ru/wp-content/uploads/sites/2/2023/10/1910_831.pdf (дата обращения: 18.10.2025).
4. Abdunazarov, Sobir. (2021). On Current Problems And Solutions In The Implementation Of State Youth Policy In Uzbekistan. The American Journal of Political Science Law and Criminology. 03. 88-95. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.researchgate.net/publication/351488579> On Current Problems And Solutions In The Implementation Of State Youth Policy In Uzbekistan_ (дата обращения: 19.01.2026).
5. Electoral Integrity, Housing Inclusion, and Youth Governance in the Philippines: A Document-Based Systems Analysis for Inclusive Societal Transformation [Электронный ресурс] – URL: <https://www.researchgate.net/publication/404208506> (дата обращения: 19.01.2026).
6. EU Youth Strategy – European Youth Portal [Электронный ресурс] – URL: <https://youth.europa.eu/strategy/en> (дата обращения: 19.01.2026)
7. Jugend Politik Tage 2025 [Электронный ресурс] – URL: <https://>

jugendpolitiktage.de/ (дата обращения: 19.01.2026).

8. O'Connell LK, Botchwey N. Supporting Youth Participation in Health and Climate Justice Through Advocacy Training Comment on «Between Rhetoric and Reality: Learnings From Youth Participation in the Adolescent and Youth Health Policy in South Africa». // International Journal of Health Policy and Management. 2023. Vol. 12. Article 7898. DOI: 10.34172 [Электронный ресурс] – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10843366/> (дата обращения: 19.01.2026).

REFERENCES

1. Shapovalova I.S. Problems of Implementation of State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth [*Problemy realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v refleksii regional'noy molodezhi*] // Regionologiya. 2021. Vol. 29, No. 4 (117). Pp. 902–932.

2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 409 of May 29, 2008 "On the Federal Agency for Youth Affairs" [*Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29.05.2008 № 409 «O Federal'nom agentstve po delam molodezhi»*] // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2008. No. 22. Art. 2586.

3. Resolution of the Government of the Samara Region No. 831 of October 19, 2023 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Youth Policy of the Samara Region" [*Postanovleniye Pravitel'stva Samarskoy oblasti ot 19.10.2023 №831 «Ob utverzhdenii Polozheniya o ministerstve molodezhnoy politiki Samarskoy oblasti»*] [Electronic resource]. URL: https://pravo.samregion.ru/wp-content/uploads/sites/2/2023/10/1910_831.pdf (accessed: 18.10.2025).

4. Abdunazarov S. On Current Problems And Solutions In The Implementation Of State Youth Policy In Uzbekistan // The American Journal of Political Science Law and Criminology. 2021. Vol. 03. Pp. 88–95. [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/351488579> (accessed: 19.01.2026).

5. Electoral Integrity, Housing Inclusion, and Youth Governance in the Philippines: A Document-Based Systems Analysis for Inclusive Societal Transformation [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/404208506> (accessed: 19.01.2026).

6. EU Youth Strategy – European Youth Portal [Electronic resource]. URL: https://youth.europa.eu/strategy_en (accessed: 19.01.2026).

7. Jugend Politik Tage 2025 [Electronic resource]. URL: <https://jugendpolitiktage.de/> (accessed: 19.01.2026).

8. O'Connell L.K., Botchwey N. Supporting Youth Participation in Health and Climate Justice Through Advocacy Training Comment on «Between Rhetoric and Reality: Learnings From Youth Participation in the Adolescent and Youth Health Policy in South Africa» // International Journal of Health Policy and Management. 2023. Vol. 12. Article 7898. DOI: 10.34172 [Electronic resource]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10843366/> (accessed: 19.01.2026).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

SOCIOLOGY OF YOUTH

ИВАНОВА Татьяна Николаевна
доцент, доктор социологических
наук, Тольяттинский
государственный университет,
Тольятти, Россия
IvanovaT2005@tltsu.ru

IVANOVA Tatyana Nikolaevna
Associate Professor, Doctor of
Sociological Sciences, Togliatti
State University, Tolyatti, Russia,
IvanovaT2005@tltsu.ru

ИВАНОВ Семен Михайлович
магистр, Тольяттинский
государственный университет,
Тольятти, Россия
sema-ivanov-2000@bk.ru

IVANOV Semen Mikhailovich
Master's student, Togliatti State
University, Togliatti, Russia
sema-ivanov-2000@bk.ru

СЕМЕЧКИН Семен Сергеевич
социолог, Тольяттинский
государственный университет,
Тольятти, Россия
semensemechkin1995@mail.ru

SEMECHKIN Semen Sergeyevich
sociologist, Tolyatti State University,
Tolyatti, Russia
semensemechkin1995@mail.ru

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-69-82

Музыка как эмоциональный ресурс социальной идентификации в молодежной среде / Music as an emotional resource for social identification among youth

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о роли музыки как эмоционального ресурса в процессе социальной идентификации молодежи. Музыка выступает не только как эстетический феномен, но и как значимый социальный и эмоциональный ресурс, позволяющий молодежи выражать принадлежность к определенным социальным группам, транслировать ценности, формировать символические границы между «своими» и «чужими». Музыка, как универсальный язык эмоций, служит средством обозначения социальной принадлежности и играет значимую роль в формировании и выражении молодежной идентичности.

Ключевые слова

Музыка; эмоциональный ресурс; социальная идентификация; молодежная среда; социальные группы; коммуникации; социокультурная среда.

Abstract

This article examines the role of music as an emotional resource in

the process of social identification among young people. Music functions not only as an aesthetic phenomenon but also as a significant social and emotional resource, enabling youth to express their belonging to specific social groups, convey values, and establish symbolic boundaries between "us" and "them." As a universal language of emotions, music serves as a means of signaling social affiliation and plays a significant role in the formation and expression of youth identity.

Keywords

Music; emotional resource; social identification; youth environment; social groups; communication; sociocultural environment.

Молодежь представляет собой одну из наиболее динамичных и социально чувствительных групп современного общества. В социологии данная категория традиционно рассматривается не только как совокупность лиц определенного возраста, но и как специфическая социальная группа, обладающая собственными поведенческими стратегиями, ценностными ориентирами и образом жизни, находящаяся на этапе активной социализации, самоопределения и формирования идентичности. При этом границы молодежного возраста не являются универсальными и окончательно устоявшимися: они варьируются в зависимости от исторического контекста, культурных норм и политико-правовых рамок.

В соответствии с Федеральным законом № 4Ф89-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежью признаются граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Данный возрастной диапазон отражает тенденцию к так называемому «продлению молодости», характерную для постиндустриальных обществ, где социальная зрелость наступает позже в силу образовательной, экономической и культурной трансформации общества¹.

С социологической точки зрения молодежь рассматривается в рамках нескольких исследовательских подходов. Наиболее распространенным в современной отечественной и зарубежной литературе является процессуальный подход, согласно которому молодежь определяется как переходная стадия жизненного цикла, на которой индивид осваивает ключевые социальные роли: профессиональные, семейные, гражданские и культурные². Такой подход делает акцент не на фиксированном возрасте, а на особенностях социального статуса, поведения и мировоззрения молодежи, подчеркивая неоднородность этой группы.

Особое значение в социологии молодежи имеет интегративный подход, ориентированный на комплексное рассмотрение молодежи как социальной группы, формирующейся на стыке нескольких сфер –

¹ Воденко К.В. Социология молодежи: учебник. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 189 с.

² Волков Ю.Е. Социология: учебное пособие. 2-е изд., стер. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. 396 с.

образования, труда, культуры, семьи и цифровых коммуникаций. Этот подход позволяет учитывать влияние новых медиа, сетевых практик и трансформации социальных институтов на молодежное поведение¹. Он особенно актуален в условиях цифровизации общественной жизни, когда молодежь одновременно существует в офлайн- и онлайн-пространствах, что отражается на формах социальной активности, коммуникативных стратегиях и самоидентификации.

Важное место в изучении молодежи занимает анализ ценностных ориентаций и социальных установок. Согласно данным социологических исследований, в последние годы наблюдается устойчивый сдвиг в сторону прагматичных установок, ориентированных на стабильность, психологическое благополучие и личную безопасность. Так, приоритетными ценностями для большинства молодых людей являются семья, здоровье, комфорт и эмоциональное благополучие^{2,3,4}. Это свидетельствует о формировании нового типа социальной идентичности, основанной на личностной автономии и индивидуалистических ориентирах, что требует переосмысления привычных моделей молодежной социализации и гражданского участия.

Помимо концептуального осмысления молодежи как социальной группы, в социологической науке большое внимание уделяется методологическим стратегиям ее изучения. Традиционно в исследовании молодежи применяются как количественные, так и качественные методы, что обусловлено сложностью и многослойностью данного объекта.

Наиболее распространенным методом количественного анализа остается анкетный опрос, позволяющий выявить массовые установки, поведенческие модели и ценностные предпочтения. Он применяется, в том числе, в мониторинговых исследованиях Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда «Общественное мнение», Левада-центра и других организаций, занимающихся социологическим анализом молодежной проблематики⁵. Тем не менее, в последние годы фиксируется снижение отклика молодежи на традиционные формы опросов (по телефону, двучичное интервьюирование и так далее). Молодежная аудитория становится все более недоступной для классических методов, предпочитая цифровые каналы коммуникации.

¹ Воленко К.В. Социология молодежи: учебник. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 189 с.

² Бормотов И.В. Ценностный мир современной российской молодежи (социально-философский анализ). Москва: ИНФРА-М, 2025. 178 с.

³ Галас М.Л. Самоидентификация российской молодежи в трансформирующемся мире. Москва: ИНФРА-М, 2024. 227 с.

⁴ Малыгина И.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: Учебное пособие. 2-е изд. Москва: Согласие, 2018. 240 с.

⁵ Галас М.Л. Самоидентификация российской молодежи в трансформирующемся мире. Москва: ИНФРА-М, 2024. 227 с.

В этой связи активно развивается практика проведения онлайн-опросов и создания молодежных онлайн-панелей. Такие методы обеспечивают более высокую вовлеченность респондентов, а также позволяют использовать адаптированные под молодежную аудиторию интерфейсы. При этом, несмотря на очевидные технологические преимущества, онлайн-исследования требуют особого внимания к репрезентативности выборки и корректной интерпретации результатов¹.

Не менее значимыми в изучении молодежи являются качественные методы, в частности фокус-группы, глубинные интервью и включенное наблюдение. Эти методы позволяют проникнуть в мир повседневных практик и смыслов, фиксировать символическое содержание идентичности, способы интерпретации молодежью социальных событий и культурных кодов. Например, фокус-группы позволяют выявить мотивации музыкальных предпочтений или особенности переживания эмоционального состояния в зависимости от медиапотребления. Такие данные невозможно получить в рамках стандартизированных анкет.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется методам цифровой социологии – анализу поведения молодежи в социальных сетях, мессенджерах, онлайн-играх, на платформах типа TikTok, VK и других. В этом контексте активно применяется цифровая этнография, предполагающая наблюдение за молодежными онлайн-сообществами, изучение языков общения, мемов, визуальных и музыкальных репрезентаций идентичности²³. Цифровая этнография позволяет зафиксировать повседневные формы самовыражения молодежи и ее способы конструирования идентичности в онлайн-среде.

Анализ big data и алгоритмов цифрового следа также предоставляет новые инструменты изучения молодежной среды. Например, отслеживание предпочтений пользователей стриминговых сервисов (VK Музыка, Яндекс.Музыка) позволяет выявить музыкальные тренды и предпочтения определенных групп. Как подчеркивает О. Лизардо, музыкальные вкусы могут выступать своего рода «социальными призмами», через которые молодежь структурирует свое представление об обществе и собственной позиции в нем⁴.

Значимым инструментом в этом контексте становятся

¹ Волков Ю.Г. Социология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Альфа-М: ИНФРА-М, 2024. 512 с.

² Каграманова М.И. Влияние музыки на работу мозга и психоэмоциональное состояние человека. Высшая школа практической психологии и бизнеса. Москва, 2024 г.

³ Hennion A. Music Lovers: Taste as Performance. *Theory, Culture & Society* 18(5), 2021. С. 1–22.

⁴ Lizardo O, Skiles S. Cultural objects as prisms: Perceived audience composition of musical genres as a resource for symbolic exclusion// *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2016. С.1–17.

социологические исследования музыкальных и культурных сообществ. Такие сообщества – будь то фанаты рэп-культуры, поклонники инди-рока, слушатели ретро-направлений или участники к-рор фандомов – представляют собой уникальные среды, в которых происходят процессы социальной идентификации, эмоционального резонанса и групповой солидарности. Эти феномены требуют междисциплинарного подхода на стыке социологии, психологии, медиакультуры и культурной антропологии.

Следует отметить, что молодежь является высоко неоднородной социальной группой, внутри которой наблюдаются значительные различия по уровню образования, месту жительства, культурному капиталу, включенности в цифровые практики и другим параметрам. Именно поэтому социологические исследования молодежи должны учитывать социокультурный контекст и избегать генерализирующих выводов. Молодежь мегаполиса и молодежь провинции, студенты технических вузов и гуманитарных направлений, молодые работники и неработающая молодежь – это разные аудитории, требующие гибких исследовательских стратегий.

Таким образом, социологическое изучение молодежной среды требует комплексного подхода, сочетающего теоретическое осмысление, многоуровневый анализ и разнообразные методологические стратегии. Молодежь – это не просто возрастная категория, а активный субъект социальных изменений, культурного производства и инновационных практик. Ее особенности определяются не только биологическим возрастом, но и специфической социальной позицией – промежуточной, динамичной, подвижной.

В условиях цифровой трансформации общества молодежная идентичность все чаще формируется в гибридных пространствах: на стыке оффлайн- и онлайн-коммуникации, формального и неформального образования, глобальных трендов и локальных контекстов. Молодежная идентичность становится все более мозаичной, ситуативной и эмоционально окрашенной, что требует от исследователя учета эмоционального, символического и культурного факторов, влияющих на процессы самоопределения.

Один из таких факторов – музыка. Именно музыка сегодня выполняет не только развлекательную, но и глубокую социокультурную функцию: она помогает молодежи переживать эмоциональные состояния, обозначать принадлежность к социальной группе, выражать протест или, наоборот, солидарность. Музыкальные предпочтения формируются на стыке личного и общественного, эмоционального и социального, и в этом заключается их значимость для изучения процессов идентификации.

Именно поэтому обращение к музыке как к эмоциональному ресурсу социальной идентификации молодежи представляет собой не только актуальное, но и методологически обоснованное направление социологического анализа.

В социологии музыку давно рассматривают как мощный инструмент социализации. Но если раньше (вспомним 80-е или 90-е) музыка жестко делила людей на группы - либо рокер, либо рэпер, либо попсовик, и эти группы между собой находились в жестких, почти негативных взаимоотношениях, - то сейчас ситуация сильно поменялась. Границы размылись¹.

Сегодняшняя молодежь - это поколение «всеядных» слушателей. В одном плейлисте у человека может быть и жесткий металл, и старая добрая попса из 90-х (потому что это «вайбово»), и какой-нибудь инди-рок. То есть музыка перестала быть жестким маркером принадлежности к конкретной субкультуре, как это было у готов или панков. Сейчас она скорее маркер настроения или ситуативной идентичности. «Сейчас мне грустно - я слушаю пост-панк, через час иду в зал - включаю хип-хоп»².

Тем не менее, музыка все еще работает как социальный клей. Она помогает находить «своих». Если ты шаришь за какого-то андеграундного исполнителя, это сразу повышает твой статус в определенной тусовке. Это своего рода культурный код: «ты слушаешь то же, что и я, значит, мы на одной волне».

Почему музыка так важна именно сейчас? Нам кажется, что это связано с общим уровнем стресса и тревожности. Молодежь использует музыку как легальный и доступный антидепрессант.

Есть интересное наблюдение: огромную популярность набирают жанры с меланхоличным, депрессивным или агрессивным подтекстом (думер-плейлисты, пост-панк, мрачный рэп). Это не значит, что все вокруг в депрессии. Это способ прожить эмоции, которые в обычной жизни часто подавляются. В социологии это явление называют «эмоциональным резонансом». Когда тебе плохо, ты включаешь грустную музыку не чтобы стало еще хуже, а, чтобы почувствовать, что ты не один такой, что кто-то уже это пережил и спел об этом³.

Кроме того, музыка выполняет функцию эскапизма. В условиях городской суety, переполненного транспорта или социального давления дома или в вузе, это способ создать свое личное приватное пространство, куда нет доступа посторонним. Интересно и то, как музыка влияет на продуктивность. Многие молодые люди просто не могут учиться или работать в тишине. Им нужен «белый шум» или биты на фоне, чтобы сосредоточиться. Получается парадокс: чтобы сконцентрироваться, им нужен дополнительный раздражитель, а не тишина⁴.

¹ Lizardo O, Skiles S. Cultural objects as prisms: Perceived audience composition of musical genres as a resource for symbolic exclusion//Socius: Sociological Research for a Dynamic World, 2016. С.1–17.

² Козловский В.В., Ткачук Д.В. Музыкально-художественные вкусы в личностном самоопределении молодежи. Социодинамика. 2020. No 10.

³ Добренков В.И. Социология: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2023. 624 с.

⁴ Бормотов И.В. Ценностный мир современной российской молодежи (социально-

Нельзя говорить о музыке в 2024–2025 гг. и не сказать про стриминги (Яндекс.Музыка, VK Музыка и прочие). По сути, мы сейчас живем в эпоху диктатуры алгоритмов. Раньше, чтобы найти новую группу, надо было обмениваться кассетами, читать журналы или слушать радио. Сейчас за тебя все делает «Моя волна» или рекомендации. С одной стороны, это удобно. С другой – это создает информационный пузырь. Алгоритм дает молодежи то, что ей, скорее всего, понравится, но тогда молодой человек редко выходит за рамки привычного жанра. Это сильно влияет на социальную идентификацию. Вкусы становятся более фрагментированными. Нет больше «народных артистов», которых знают абсолютно все от 15 до 30 лет (возможно, за редким исключением типа Шамана или Инстасамки, да и то, отношение к ним полярное). Вместо этого есть куча микро-звезд, известных в узких нишах¹.

Еще один тренд – это влияние ТикТока и коротких видео. Музыка стала потребляться отрывками. Песня может стать хитом не потому, что она гениальная, а потому что под 15-секундный припев удобно снимать видео. Это меняет саму структуру музыки: треки становятся короче, вступления исчезают (надо зацепить слушателя за 3 секунды, иначе он свайпнет трек), смысловая нагрузка упрощается. Многие музыканты пишут треки специально под «вирусность». Это, конечно, вызывает негодование у старшего поколения и музыкальных критиков. Но музыка как таковая не умерла, она просто адаптировалась под клиповое мышление. Для молодежи музыка из ТикТока – это тоже способ коммуникации. Снял ролик под трендовый звук – значит, ты «в теме», ты участвуешь в общем челлендже, ты часть сообщества.

Очень странный и интересный феномен последних лет – это мода на ретро. Молодежь 16–20 лет фанатеет по музыке 80-х, 90-х и нулевых. Группу «Кино» или «Король и Шут» сейчас слушают так же активно, как и свежий рэп. Сериал про «Горшка» вообще вызвал вторую волну популярности панк-рока².

Откуда это берется? Социологи говорят о «ностальгии по непережитому». Молодым людям кажется, что раньше время было более понятным, «настоящим» и искренним. Цифровой мир слишком рафинированный, а старый рок или попса кажутся им более живыми. Плюс, это коммуникативный мостик к родителям. Удивительно, но сейчас часто бывает, что подростки и их родители могут слушать одну и ту же музыку, и конфликта поколений на этой почве становится меньше. Также это связано с поиском корней и идентичности. В глобальном мире хочется за что-то зацепиться, и старая отечественная музыка

философский анализ). Москва: ИНФРА-М, 2025. 178 с.

¹ Васильев М.К., Леурда О.П. Влияние современной поп музыки на вкус молодого поколения. Научный лидер. 2023. №27 (177). С. 125–128.

² Гаджиева А.М. Психофизиологическое влияние музыки на психоэмоциональное состояние человека. Молодой ученый. 2023. № 45 (492). С. 438–441

(или западная классика рока) дает это ощущение фундамента¹.

Несмотря на общий прагматизм и аполитичность, о которых мы говорили выше, музыка остается одной из немногих сфер, где прорывается социальный протест или гражданская позиция. Рэп-культура в России (хоть она и трансформировалась) все еще остается рупором настроений. Тексты песен часто отражают то, о чем не говорят по телевизору. Через музыку молодежь транслирует свои страхи, недовольство или, наоборот, патриотические чувства².

Важно отметить, что сейчас музыкальная сцена сильно поляризовалась. Есть артисты, которые четко поддерживают государственную линию, и есть те, кто ушел в тень или уехал. И выбор того, кого ты слушаешь, часто становится политическим заявлением. «Скажи мне, кто у тебя в наушниках, и я скажу, за кого ты голосуешь» – это, конечно, упрощение, но доля правды тут есть. При этом большая часть массовой музыки остается подчеркнуто гедонистической. Кальпан-рэп, поп-музыка про деньги и отношения – это все тот же эскапизм. Молодежь устала от повестки и хочет просто расслабиться. Поэтому треки без глубокого смысла часто залетают в чарты лучше, чем остро социальные памфлеты.

После пандемии и всех ограничений социологи фиксируют дикий спрос на живые выступления. Дело здесь в эмоциях и чувстве единения. Онлайн не дает чувства сопричастности. На концерте возникает эффект толпы, так называемое «коллективное вскипание». Когда тысяча человек поет хором один припев, это дает мощнейший заряд энергии и чувство, что «мы вместе»³.

Для атомизированной, одинокой молодежи, сидящей в своих гаджетах, концерт – это способ физически ощутить других людей, почувствовать плечо. Это ритуал. Плюс, это контент. Сходить на концерт и не сделать сторис – считай, не ходил. Так что тут снова переплетается реальное и виртуальное⁴.

Сейчас внешние атрибуты субкультур почти исчезли или смешались в кучу (стиль «эkleктика» или «нормкор»). Ты можешь выглядеть как офисный клерк и слушать тяжелый металл. Или одеваться как панк, но слушать k-поp. Субкультуры ушли в сеть. Фандомы k-поp групп (например, BTS) – это, пожалуй, самый яркий пример современной музыкальной субкультуры. Это не просто слушатели, это мощная, организованная сила. Они могут выводить хештеги в топы, собирать деньги на благотворительность или даже вмешиваться в политические дискуссии в соцсетях. Это новая форма общности: она не привязана

¹ Hubbs N. The Queer Composition of America's Sound. Gay Modernists, American Music and National Identity. Berkeley; University of California Press, 2024. 293 с.

² Волков Ю.Г. Социология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Альфа-М: ИНФРА-М, 2024. 512 с.

³ Воденко К.В. Социология молодежи: учебник. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 189 с.

⁴ Hennion A. Music Lovers: Taste as Performance. Theory, Culture & Society 18(5), 2021. С. 1–22.

к месту (фанаты могут быть из разных стран), она очень активна и у нее жесткая внутренняя иерархия. И музыка тут – только повод для объединения, а суть – в чувстве принадлежности к огромной семье¹.

Резюмируя, можно сказать, что музыка в молодежной среде 2024–2025 годов – это важнейший эмоциональный ресурс. Она помогает справляться со стрессом, конструировать свой образ «Я», находить друзей и даже выстраивать границы с внешним миром².

Мы видим отход от жестких жанровых рамок к эклектике, огромное влияние алгоритмов на формирование вкуса и рост ностальгических настроений. Музыка перестала быть поводом для войны «район на район», но стала интимным пространством, где молодой человек может быть собой. Для социолога анализ плейлиста респондента сегодня может дать едва ли не больше информации о его ценностях и психологическом состоянии, чем часовая беседа. Игнорировать этот пласт культуры при изучении молодежи – значит упустить огромный кусок пазла³.

Если раньше (даже лет 10–15 назад) установка «школа – вуз – завод, офис» была незыблемой, то сейчас нет. Ценность высшего образования в глазах молодежи падает. Нет, конкурс в вузы сохраняется. Но внутренняя мотивация у студентов другая. Многие идут в вуз просто для «социальной передержки» – чтобы оттянуть момент выхода во взрослую жизнь, не идти в армию (для парней это актуально как никогда) или просто «потусоваться». Опросники показывают, что по специальности собираются работать далеко не все. Есть четкое понимание: вуз дает теорию, которая устаревает еще до того, как ты получил диплом.

На первый план выходят «скиллы» (skills). Молодежь прекрасно видит примеры, когда какой-нибудь самоучка-программист или дизайнер, прошедший двухмесячные курсы, зарабатывает в разы больше, чем кандидат наук. Это порождает прагматичный подход к образованию. Расцветает EdTech (онлайн-курсы). Платформы вроде Skillbox, Яндекс.Практикума и прочих воспринимаются как реальный социальный лифт, более быстрый и эффективный, чем 4 года бакалавриата⁴.

В этом есть и проблема. Образование становится фрагментарным.

¹ Галас М.Л. Самоидентификация российской молодежи в трансформирующемся мире. Москва: ИНФРА-М, 2024. 227

² Folkestad G. National identity and music in Musical Identities. Ed. Macdonald, R., Hargreaves, D. Miell, D. Oxford University Press, 2022. С. 151–162. Зураева А.М. Влияние музыки на психофизиологическое состояние человека. Особенности восприятия музыкальных жанров. Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 381–384.

³ Зураева А.М. Влияние музыки на психофизиологическое состояние человека. Особенности восприятия музыкальных жанров. Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 381–384.

⁴ Козырев Г. И. Социология: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ФОРУМ, 2023. 320 с.

Молодые люди хотят «волшебную таблетку»: быстро выучить Python или SMM и сразу начать зарабатывать. Фундаментальные знания, которые формируют кругозор, часто игнорируются как «ненужная вода». Это может привести к тому, что мы получим поколение узких специалистов, которые отлично знают, как писать свой участок кода, но плохо понимают, как устроен мир в целом¹.

Стандартная модель занятости «с 9 до 18 в офисе с соцпакетом» для зумеров (поколение Z) кажется неприемлемой. Они ценят свободу и гибкость. Поэтому возник такой бум самозанятости. Оформить статус в приложении за 5 минут и работать на себя – это для них идеальный вариант. Гиг-экономика (работа по краткосрочным контрактам, проектная деятельность) стала нормой. Молодой человек может утром работать курьером, днем монтировать видео на заказ, а вечером стримить игры. И это не считается чем-то зазорным или признаком нестабильности. Наоборот, это «диверсификация рисков». Если увольт с одной работы, останутся две другие.

Работодатели часто жалуются: «молодежь безответственная, они увольняются одним днем, если им что-то не понравилось». Но это не безответственность, это другая система ценностей. Они не готовы терпеть деспотичного начальника или переработки ради туманных перспектив карьеры через 10 лет. Им нужно «здесь и сейчас». Если работа не приносит удовольствия или мешает личной жизни – молодой человек уходит с нее. Лояльность к компании – это понятие из прошлого века.

Возникает иллюзия, что деньги можно делать легко, из воздуха. Это почва для так называемого «инфоцыганства». Огромное количество молодых людей пытается стать блогерами, коучами, трейдерами криптовалют, надеясь на быстрый успех. Разочарование, которое наступает, когда выясняется, что блоггинг – это тоже тяжелый труд и конкуренция, бывает очень болезненным. Это создает слой фрустрированной молодежи. Они не хотят идти на «обычную» работу (кассиром, рабочим, даже инженером), потому что это считается «непрестижным» и «для лузеров», но и в блогеры пробиться не могут. Вот тут и пополняются ряды той самой NEET-молодежи, о которой мы говорили².

Интересный тренд – прагматичное волонтерство. Если раньше волонтерили по зову сердца, то сейчас это часто строчка в резюме. Вузы дают за это баллы, работодатели смотрят благосклонно. Молодежь использует волонтерские проекты как способ попробовать профессию (организатор ивентов, медийщик, переводчик) без обязательств и бесплатно получить опыт³.

¹ Dick Hebdige. Subculture: The Meaning of Style. Birmingham Centre for Contemporary Cultural Studies. Taylor & Francis, 2022.

² Лепин А.П. Социальные технологии работы с молодежью: учебное пособие. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 126 с.

³ Чупров В.И. Социология молодежи: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 336 с.

Через волонтерство происходит та самая «мягкая» социализация. Для многих это становится реальным стартом карьеры.

В общем и целом, музыка, образование и работа для современной молодежи – это части одного пазла. Везде мы видим одни и те же паттерны:

- гибкость и мозаичность: слушать все подряд, учиться короткими курсами, работать проектами;

- эмоциональный комфорт: музыка для настроения, работа без стресса, учеба в удовольствие;

- цифровизация как база: стриминги, онлайн-курсы, удаленка.

Социологу важно понимать, что старые лекала тут не работают. Нельзя мерить успех нынешнего студента мерками его родителей. У них другие критерии успешности, другое понимание стабильности и совершенно другие источники вдохновения. И, возможно, это не так уж и плохо. Просто мир изменился, и они адаптировались к нему быстрее, чем мы думаем¹.

К 2024–2025 гг. сформировался портрет «нового прагматичного поколения». Молодые люди (14–35 лет) характеризуются отказом от юношеского максимализма в пользу стабильности: для 97% приоритетом стали семья, здоровье и личная безопасность, тогда как карьерные амбиции и желание прославиться (всего 6%) отошли на второй план. В условиях глобальной турбулентности молодежь стремится к комфорту и психологическому благополучию, избегая переработок ради статуса.

Ключевой особенностью является «фиджитал»-природа социализации: цифровая среда воспринимается как естественная среда обитания, более свободная и привлекательная, чем традиционные институты (школа, офис), что создает разрыв поколений и снижает авторитет старших. Политическая активность реализуется через «теорию малых дел» (волонтерство), а не участие в партиях. В экономике фиксируется парадокс: при рекордно низкой безработице (5%) сохраняется значительная доля NEET-молодежи (12–15%), выбирающей стратегию «отложенного взросления» или теньвую занятость.

Необходимо акцентировать внимание на эффективном диалоге государства и общества, где признаны цифровая реальность и новые прагматические ценности молодежи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воденко К.В. Социология молодежи: учебник. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 189 с.

2. Волков Ю.Е. Социология: учебное пособие. 2-е изд., стер. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. 396 с.

3. Бормотов И.В. Ценностный мир современной российской

¹ Щебланова В.В. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт прикладного исследования и научно-методические рекомендации по укреплению. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2024. 104 с.

молодежи (социально-философский анализ). Москва: ИНФРА-М, 2025. 178 с.

4. Галас М.Л. Самоидентификация российской молодежи в трансформирующемся мире. Москва: ИНФРА-М, 2024. 227 с.

5. Малыгина И.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: Учебное пособие. 2-е изд. Москва: Согласие, 2018. 240 с.

6. Каграманова М.И. Влияние музыки на работу мозга и психоэмоциональное состояние человека. Высшая школа практической психологии и бизнеса. Москва, 2024 г.

7. Hennion A. Music Lovers: Taste as Performance. *Theory, Culture & Society* 18(5), 2021. С. 1–22.

8. Lizardo O, Skiles S. Cultural objects as prisms: Perceived audience composition of musical genres as a resource for symbolic exclusion// *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2016. С.1–17.

9. Козловский В.В., Ткачук Д.В. Музыкально-художественные вкусы в личностном самоопределении молодежи. *Социодинамика*. 2020. No 10.

10. Добренев В.И. Социология: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2023. 624 с.

11. Бреан А. Музыка и мозг: Как музыка влияет на эмоции, здоровье и интеллект: практическое руководство. Москва: Альпина Пабlishер, 2025. 296 с.

12. Бормотов И.В. Ценностный мир современной российской молодежи (социально-философский анализ). Москва: ИНФРА-М, 2025. 178 с.

13. Васильев М.К., Леурда О.П. Влияние современной поп музыки на вкус молодого поколения. *Научный лидер*. 2023. №27 (177). С. 125–128.

14. Гаджиева А.М. Психофизиологическое влияние музыки на психоэмоциональное состояние человека. *Молодой ученый*. 2023. № 45 (492). С. 438–441

15. Hubbs N. *The Queer Composition of America's Sound. Gay Modernists, American Music and National Identity*. Berkeley; University of California Press, 2024. 293 с.

16. Folkestad G. National identity and music in *Musical Identities*. Ed. Macdonald, R., Hargreaves, D. Miell, D. Oxford University Press, 2022. С. 151–162.

17. Зураева А.М. Влияние музыки на психофизиологическое состояние человека. Особенности восприятия музыкальных жанров. *Молодой ученый*. 2018. № 23 (209). С. 381–384.

18. Козырев Г. И. Социология: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ФОРУМ, 2023. 320 с.

19. Dick Hebdige. *Subculture: The Meaning of Style*. Birmingham Centre for Contemporary Cultural Studies. Taylor & Francis, 2022.

20. Лепин А.П. Социальные технологии работы с молодежью: учебное пособие. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 126 с.

21. Чупров В.И. Социология молодежи: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 336 с.

22. Щебланова В.В. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт прикладного исследования и научно-методические рекомендации по укреплению. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2024. 104 с.

REFERENCES

1. Vodenko K.V. Sociology of Youth: Textbook [*Sotsiologiya molodezhi: uchebnik*]. — Moscow: RIOR: INFRA-M, 2025. 189 p.
2. Volkov Yu.E. Sociology: Textbook [*Sotsiologiya: uchebnoye posobiye*]. — 2nd ed., ster. — Moscow: Dashkov i K°, 2020. 396 p.
3. Bormotov I.V. The Value World of Modern Russian Youth (Socio-Philosophical Analysis) [*Tsenostnyy mir sovremennoy rossiyskoy molodezhi (sotsial'no-filosofskiy analiz)*]. — Moscow: INFRA-M, 2025. 178 p.
4. Galas M.L. Self-Identification of Russian Youth in a Transforming World [*Samoidentifikatsiya rossiyskoy molodezhi v transformiruyushchetsya mire*]. — Moscow: INFRA-M, 2024. 227 p.
5. Malygina I.V. Identity in Philosophical, Social and Cultural Anthropology: Textbook [*Identichnost' v filosofskoy, sotsial'noy i kul'turnoy antropologii: Uchebnoye posobiye*]. — 2nd ed. — Moscow: Soglasie, 2018. 240 p.
6. Kagramanova M.I. The Influence of Music on Brain Function and the Psycho-Emotional State of a Person [*Vliyaniye muzyki na rabotu mozga i psikhoemotsional'noye sostoyaniye cheloveka*]. — Moscow: Vysshaya shkola prakticheskoy psikhologii i biznesa, 2024.
7. Hennion A. Music Lovers: Taste as Performance // *Theory, Culture & Society*. 2021. Vol. 18, No. 5. Pp. 1–22.
8. Lizardo O., Skiles S. Cultural objects as prisms: Perceived audience composition of musical genres as a resource for symbolic exclusion // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 2016. Pp. 1–17.
9. Kozlovsky V.V., Tkachuk D.V. Musical and Artistic Tastes in the Personal Self-Determination of Youth [*Muzykal'no-khudozhestvennyye vkusy v lichnostnom samoopredelenii molodezhi*] // *Sotsiodinamika*. 2020. No. 10.
10. Dobrenkov V.I. Sociology: Textbook [*Sotsiologiya: uchebnik*]. — Moscow: INFRA-M, 2023. 624 p.
11. Brean A. Music and the Brain: How Music Affects Emotions, Health and Intelligence: A Practical Guide [*Muzyka i mozg: Kak muzyka vliyayet na emotsii, zdorov'ye i intellekt: prakticheskoye rukovodstvo*]. — Moscow: Al'pina Publisher, 2025. 296 p.
12. Bormotov I.V. The Value World of Modern Russian Youth (Socio-Philosophical Analysis) [*Tsenostnyy mir sovremennoy rossiyskoy molodezhi (sotsial'no-filosofskiy analiz)*]. — Moscow: INFRA-M, 2025. 178 p.
13. Vasilyev M.K., Leurda O.P. The Influence of Modern Pop Music on the Taste of the Young Generation [*Vliyaniye sovremennoy pop muzyki na vkus molodogo pokoleniya*] // *Nauchnyy lider*. 2023. No. 27 (177). Pp. 125–128.
14. Gadzhieva A.M. Psychophysiological Influence of Music on the

Psycho-Emotional State of a Person [*Psikhofiziologicheskoye vliyaniye muzyki na psikhoemotsional'noye sostoyaniye cheloveka*] // *Molodoy uchenyy*. 2023. No. 45 (492). Pp. 438–441.

15. Hubbs N. *The Queer Composition of America's Sound. Gay Modernists, American Music and National Identity*. — Berkeley: University of California Press, 2024. 293 p.

16. Folkestad G. *National identity and music* // *Musical Identities*. Ed. Macdonald R., Hargreaves D., Miell D. — Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 151–162.

17. Zuraeva A.M. *The Influence of Music on the Psychophysiological State of a Person. Peculiarities of Perception of Music of Different Genres* [*Vliyaniye muzyki na psikhofiziologicheskoye sostoyaniye cheloveka. Osobennosti vospriyatiya muzyk raznykh zhanrov*] // *Molodoy uchenyy*. 2018. No. 23 (209). Pp. 381–384.

18. Kozyrev G.I. *Sociology: Textbook* [*Sotsiologiya: uchebnoye posobiye*]. — 2nd ed., rev. and enl. — Moscow: FORUM, 2023. 320 p.

19. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. — Birmingham Centre for Contemporary Cultural Studies. — London: Taylor & Francis, 2022.

20. Lepin A.P. *Social Technologies of Work with Youth: Textbook* [*Sotsial'nyye tekhnologii raboty s molodezh'yu: uchebnoye posobiye*]. — Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2023. 126 p.

21. Chuprov V.I. *Sociology of Youth: Textbook* [*Sotsiologiya molodezhi: uchebnik*]. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 336 p.

22. Shcheblanova V.V. *Civic Identity of Russian Youth: Experience of Applied Research and Scientific-Methodological Recommendations for Strengthening* [*Grazhdanskaya identichnost' rossiyskoy molodezhi: opyt prikladnogo issledovaniya i nauchno-metodicheskiye rekomendatsii po ukrepleniyu*]. — Saratov: Saratov State Law Academy Press, 2024. 104 p.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

REGIONAL SOCIOLOGY

РОЖКОВА Лилия Валерьевна
доктор социологических
наук, профессор, заведующий
кафедрой «Социология,
экономическая теория и
международные процессы»,
Пензенский государственный
университет, Пенза, Россия
mamaeva_lv@mail.ru

ROZHKOVA Lilia Valeryevna
Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of
Sociology, Economic Theory and
International Processes at Penza
State University, Penza, Russia
mamaeva_lv@mail.ru

ДУБИНА Альбина Шагидулловна
кандидат социологических наук,
доцент, доцент Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
Misurin@bk.ru

DUBINA Albina Shagidullovna
ccandidate of Sociology, Associate
Professor, Penza State University,
Penza, Russia
misurin@bk.ru

ФЕДОРОВ Ярослав Вячеславович
аспирант, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
jaroslav.feodoroff@yandex.ru

FEDOROV Yaroslav Vyacheslavovich
postgraduate Student, Penza State
University, Penza, Russia
jaroslav.feodoroff@yandex.ru

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-83-90

Волонтерские объединения как фактор развития гражданской активности молодежи Пензенской области / Analysis of the impact of youth units on the social activity of youth in the Penza region

Аннотация

В статье рассматривается влияние волонтерских объединений на развитие гражданской активности молодежи Пензенской области. На основе анализа результатов российских социологических исследований и авторского эмпирического исследования выявляются основные формы социальной активности молодежи, в частности привлечение молодых людей к добровольной волонтерской деятельности и базовые установки молодых респондентов. Пристальное внимание направлено на значимость волонтерских движений как института социализации на формирование ценностей гражданственности, патриотизма и ответственного поведения. Представлены результаты социологического исследования, проведенного среди молодежи Пензенской области, позволившие определить основные

преимущества участия в молодежных объединениях, а также существующие организационные и институциональные проблемы. Делается вывод о значимости волонтерских движений как механизма формирования гражданской идентичности и развития молодежной политики в регионе.

Ключевые слова

Молодежь; волонтерство; социальная активность; молодежные объединения; гражданская идентичность; социализация; Пензенская область.

Abstract

The article examines the influence of volunteer associations on the development of civic activity among youth in the Penza region. Based on the analysis of Russian sociological studies and the authors' empirical research, the main forms of youth social activity, features of participation in volunteer activities, and key motivational attitudes of young people are identified. Particular attention is paid to the role of volunteer organizations as an institution of socialization, civic education, and formation of social responsibility among youth. The article presents the results of a sociological survey conducted among young people in the Penza region, which made it possible to identify the main advantages of participation in youth associations, as well as existing organizational and institutional problems. It is concluded that volunteer movements are an important mechanism for the formation of civic identity and the development of youth policy in the region.

Keywords

Youth; volunteering; social activity; youth associations; civic identity; socialization; Penza region.

Современное российское общество характеризуется активизацией процессов гражданского участия молодежи, развитием институтов гражданского общества и трансформацией форм социальной активности. В данных условиях особую значимость приобретают молодежные волонтерские объединения, выполняющие функции социализации, формирования гражданской идентичности, социальной ответственности молодых россиян¹.

Сегодня, молодое поколение является главным ресурсом и потенциалом благополучного развития общества. Поэтому вопрос о формировании достойных граждан является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики. В данном контексте волонтерские организации являются важнейшим институтом вовлечения молодежи в общественную жизнь².

¹ Рожкова, Л. В. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1(65). С. 76-88. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-8. EDN TZJKYL.

² Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе

По данным центра ВЦИОМ, за прошедшие пять лет заметен устойчивый скачок вовлеченности молодых людей в добровольческие организации. Итак, по данным исследования прошлого года, примерно 43% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет хотя бы один раз принимали участие в волонтерских проектах, тогда как в 2018 году данный показатель составлял лишь 27%. Наиболее распространенными направлениями участия молодежи являются помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (34%), экологические акции (29%), участие в патриотических мероприятиях (25%) и культурно-массовые проекты (21%)¹.

Социологический анализ показывает, волонтерство влияет на процесс социализации молодых людей. Согласно исследованию социологов Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, в социальную активность молодых людей входит мотивационный, поведенческий и ценностный аспекты, участвующие в коллективном взаимодействии и общественном участии².

В исследованиях И. В. Троцук и К. Г. Сохадзе отмечается, что молодежная активность напрямую связана с уровнем доверия к общественным институтам и наличием возможностей социальной самореализации. Авторы подчеркивают, что участие молодежи в общественных объединениях способствует развитию гражданской ответственности и социальной компетентности³.

Согласно данным ФОМ, среди российской молодежи можно выделить несколько типов социальной активности (Таблица 1)⁴:

Таблица 1 — Типология социальной активности молодежи в России (%)

Тип молодежи	Характеристика	%
Активные волонтеры	Регулярное участие в общественной деятельности	24
Ситуативные участники	Участвуют периодически	36
Локальные активисты	Участвуют в инициативах по месту жительства	18
Социально пассивная молодежь	Не участвуют в общественной деятельности	22

// Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2. С. 31–47.

¹ Волонтерство в России: мониторинг. Опрос ВЦИОМ от 23.07.2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=mlkul7xl8y190750329> (дата обращения: 11.05.2026)

² Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная активность молодежи в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2019.

³ Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №2. С. 112–126.

⁴ Акторы добровольчества. Опрос ФОМ от 2014 г. URL: // <http://fom.ru/TSennosti/11663>. (дата обращения: 11.05.2026)

Проведенный социологический анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее высокий уровень социальной ответственности демонстрируют молодые люди, систематически участвующие в добровольческой деятельности. Помимо прочего волонтерство формирует лидерские качества у его членов, прокачиваются навыки коммуникации и формируется стойкая гражданская позиция¹.

Особое значение волонтерские организации приобретают на региональном уровне. В Пензенской области в последние годы наблюдается рост числа молодежных объединений и добровольческих центров. Наиболее активными направлениями деятельности являются патриотическое волонтерство, экологические инициативы, помощь пожилым людям и участие в социальных проектах²

Для изучения роли волонтерских объединений в развитии гражданской активности молодежи Пензенской области авторами было проведено социологическое исследование посредством анкетирования.

В исследовании приняли участие 104 человека в возрасте от 18 до 25 лет — студенты высших и средних профессиональных образовательных организаций Пензенской области.

Социальный портрет респондентов показал, что: 61% участников исследования составили студенты вузов; 26% обучающиеся колледжей и 13% работающая молодежь.

На вопрос о степени участия в деятельности молодежных волонтерских организаций были получены следующие результаты (Рисунок 1):

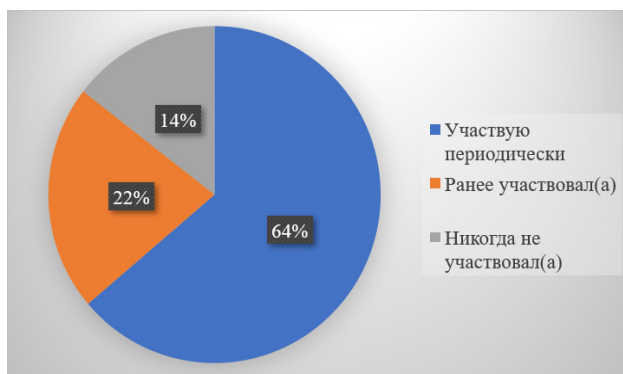

Рисунок 1 — Уровень участия молодежи Пензенской области в волонтерской деятельности (%)

¹ Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.

² Истинный молодой патриот: по материалам социологического исследования / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова, С. А. Влазнева // Вестник Биомедицина и социология. 2020. Т. 5, № 4.

Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне вовлеченности молодежи региона в добровольческую деятельность. При этом значительная часть молодежи участвует в общественных инициативах нерегулярно, что связано с учебной нагрузкой, нехваткой времени и недостаточной информированностью о проектах.

Респондентам также было предложено определить основные мотивы участия в волонтерской деятельности (Рисунок 2).

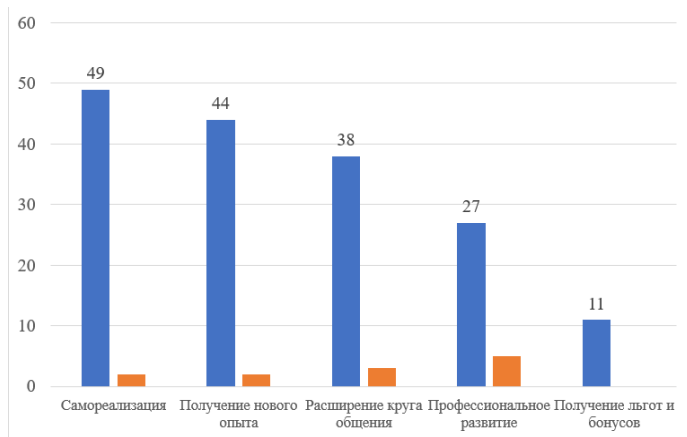

Рисунок 2 — Основные мотивы участия молодежи в волонтерских объединениях (%)

Социологический анализ показывает, что ведущими мотивами молодежного участия выступают альтруистические и ценностно-ориентированные установки. Большинство молодых людей рассматривают волонтерство как возможность самореализации и социальной значимости.

На вопрос о преимуществах участия в молодежных объединениях респонденты чаще всего отмечали: развитие коммуникативных навыков — (73%), чуть меньше приобретение опыта командной работы (67%), далее по иерархии следует формирование лидерских качеств (61%); следом расширение социальных контактов (58%) и наконец формирование гражданской позиции (52%).

Полученные результаты подтверждают выводы российских социологов о том, что участие молодежи в общественных организациях способствует формированию социальной компетентности и гражданской идентичности.

В рамках авторского исследования были выявлены и основные проблемы функционирования молодежных волонтерских объединений Пензенской области (Таблица 2).

Как показывает анализ, ключевыми ограничениями развития

молодежных объединений являются организационные и ресурсные факторы. При этом одной из важнейших проблем остается недостаточный уровень информирования молодежи о возможностях участия в добровольческой деятельности.

Таблица 2 — Основные проблемы деятельности молодежных объединений (%)

Проблема	%
Нехватка свободного времени у молодежи	59
Недостаточное финансирование	46
Слабая информированность молодежи	41
Низкая мотивация отдельных участников	33
Недостаточная поддержка образовательных организаций	24
Формальный характер отдельных мероприятий	18

В ходе исследования респондентам был предоставлен выбор основных сложностей, с которыми они могли столкнуться в ходе волонтерской деятельности. На первом месте стоит отсутствие должного финансирования (50,5%), на втором месте недостаток кадрового обеспечения (41,8%), небольшая вовлеченность молодых людей в общественные организации (61,5% опрошенных), отсутствие нормативно-правовой базы (20,9% опрошенных), разногласия с местным муниципалитетом (23,1%), внутренние разногласия (22%).

По мнению респондентов, наиболее перспективными направлениями развития молодежных волонтерских организаций в Пензенской области являются (рисунок 3):

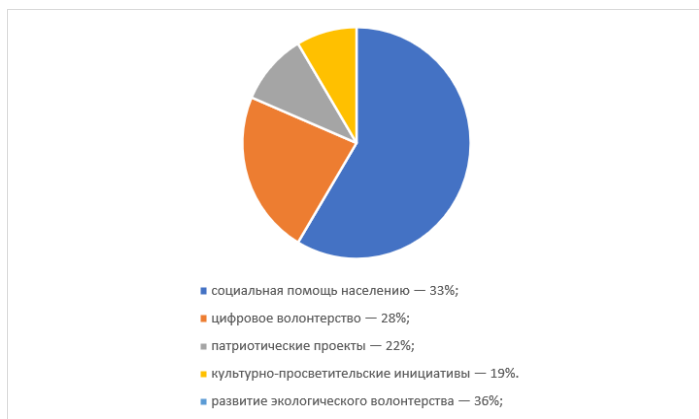

Рисунок 3 — Наиболее перспективные направления развития молодежных волонтерских организаций в Пензенской области (%)

Таким образом, результаты исследования подтверждают значимую роль волонтерских объединений в развитии социальной активности молодежи Пензенской области. Волонтерские организации выступают важным институтом социализации молодежи, способствуют формированию гражданской ответственности и развитию социальной мобильности.

Участие молодежи в добровольческой деятельности позволяет формировать устойчивые модели гражданского поведения, способствует развитию лидерских качеств и повышает уровень социальной интеграции молодых людей.

Вместе с тем сохраняются институциональные и организационные барьеры, ограничивающие массовое вовлечение молодежи в общественную деятельность. В связи с этим актуализируется необходимость совершенствования механизмов государственной поддержки молодежных инициатив, развития системы молодежных грантов и интеграции волонтерских проектов с образовательными организациями региона.

Следовательно, направление в области развития волонтерского движения следует рассматривать как наиболее приоритетные в молодежной государственной политике для благополучного развития гражданского общества в Пензенском регионе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акторы добровольчества. Опрос ФОМ от 2014 г. URL: // <http://fom.ru/TSenosti/11663>. (дата обращения: 11.05.2026)
2. Волонтерство в России: мониторинг. Опрос ВЦИОМ от 23.07:2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=mlkul7xl8y190750329> (дата обращения: 11.05.2026)
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная активность молодежи в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2019.
4. Истинный молодой патриот: по материалам социологического исследования / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова, С. А. Влазнева // Вестник Биомедицина и социология. 2020. Т. 5, № 4.
5. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 1.С. 129–143.
6. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.
7. Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2. С. 31–47.
8. Рожкова, Л. В. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина // Известия высших учебных заведений.

Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1(65). С. 76-88. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-8. EDN TZJKYL.

9. Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №2. С. 112–126.

REFERENCES

1. Actors of volunteerism. FOM survey from 2014 URL: // <http://fom.ru/TSennosti/11663> . (date of access: 05/11/2026)

2. Volunteering in Russia: monitoring. VTSIOM poll dated 07/23/2025 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=mlkul7xl8y190750329> (accessed: 05/11/2026)

3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Social activity of youth in modern Russia. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2019.

4. A true young patriot: based on the materials of a sociological study / L. V. Rozhkova, A. S. Dubina, O. V. Salnikova, S. A. Vlazneva // Bulletin of Biomedicine and Sociology. 2020. Vol. 5, No. 4.

5. Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth // Bulletin of the Institute of Sociology. 2022. Vol. 13, No. 1. pp. 129-143.

6. Malenkov V. V. Patriotism, citizenship in politics and youth identity // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2022.No. 67. pp. 120-131.

7. Parma R. V. Civil activity of generations in modern Russian society // Bulletin of the Institute of Sociology. 2022. Vol. 13, No. 2. pp. 31-47.

8. Rozhkova, L. V. The structure and dynamics of patriotic values of modern student youth / L. V. Rozhkova, O. V. Salnikova, A. S. Dubina // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2023. No. 1(65). pp. 76-88. DOI 10.21685/2072-3016-2023-1-8. EDN TZJKYL.

9. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Social activity of youth: approaches to assessment // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2016. No. 2. pp. 112-126.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

*КОМОЛОВ Олег Евгеньевич
аспирант, Московский
Государственный психолого-
педагогический университет,
Москва, Россия
komolov1993@yandex.ru*

*KOMOLOV Oleg Evgenievich
Postgraduate Student, Moscow
State University of Psychology and
Education, Moscow, Russia
komolov1993@yandex.ru*

DOI: 10.30932/2072-6015-2026-116-3-91-99

Социальный аспект управления развитием жизнестойкости людей с ограниченными возможностями / The social aspect of managing the de- velopment of resilience in individuals with health-related disabilities

Аннотация

Системный подход к управлению развитием жизнестойкости человека с ограниченными возможностями как залог не только благополучия индивида, но и обеспечения устойчивости общества в целом, приобретает с началом СВО особую значимость. Воздействие критически опасных условий боевой и служебной обстановки для жизни и здоровья военнослужащих обусловило появление сложной комплексной системы повышения адаптационности человека к экстремальным ситуациям. Естественная защитная реакция организма, вызванная боевым и военно-профессиональным стрессом, обеспечивается эффективными мерами социокультурной, психологической, медицинской защиты и поддержки. Психосоциальное перенапряжение, возникающее у гражданского населения в зоне военных действий и на сопредельных территориях, также создает неблагоприятную для нормальной жизнедеятельности обстановку, угрожающую жизни и здоровью граждан. Поэтому ликвидация негативных последствий хронического стресса является актуальной не только для профильной военной медицины, но и широкого круга государственных и общественных организаций.

Материалы психолого-социологического анализа выявили потребность общества в эффективном преодолении деструктивных сторон хронического стресса, особенно у гражданских лиц. Впервые в отечественной науке предлагается проект специализированной инфраструктуры управления развитием жизнестойкости людей. Ведь повышение жизнестойкости людей с инвалидностью является частью социального благополучия всего нашего общества.

Ключевые слова

СВО; хронический стресс; социальная адаптация; социальная

поддержка; инфраструктура управления жизнестойкостью.

Abstract

A systematic approach to managing the development of resilience in individuals with disabilities is crucial not only for individual well-being but also for ensuring the overall stability of society. This significance has been particularly amplified since the commencement of the Special Military Operation (SMO). The impact of critically hazardous combat and operational conditions on the lives and health of military personnel has necessitated the creation of a complex, integrated system for enhancing human adaptability to extreme situations. The body's natural defense mechanisms, triggered by combat and military-professional stress, are supported by effective socio-cultural, psychological, and medical protective and supportive measures. Psychophysical overexertion experienced by the civilian population in war zones and adjacent territories also creates an unfavorable environment for normal life activities, threatening citizens' lives and health. Therefore, mitigating the negative consequences of chronic stress is a pressing concern not only for specialized military medicine but also for a broad range of governmental and public organizations.

Psychosociological analysis has revealed a societal need for effective strategies to overcome the destructive effects of chronic stress, especially among civilians. For the first time in Russian scientific discourse, a project for a specialized infrastructure aimed at fostering the development of individual resilience is proposed. Enhancing the resilience of people with disabilities is an integral component of the social well-being of our entire society.

Keywords

Special Military Operation (SMO); chronic stress; social adaptation; social support; resilience management infrastructure.

Социальное благополучие граждан России находится в центре внимания государственных и общественных структур. Федеральные и региональные власти всегда приходят на помощь в кризисных ситуациях. Президент РФ Владимир Путин, говоря в 2023 году о жителях приграничных с Украиной местностей, заявил: «Я хочу подчеркнуть, государство всегда будет помогать тем, кто попал в беду. Сделаем все для того, чтобы человек не оставался один на один со своими проблемами»¹. Появление значительного количества людей, подвергающихся хроническому стрессу, актуализирует вопрос их поддержки. К их числу и относятся люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). С удовлетворением отметив несомненное продвижение вперед в вопросах создания доступной среды для лиц с ОВЗ, Президент обратил внимание, что «мы только в начале пути»², а

¹ Путин В.В. Совещание по вопросам восстановления жилой инфраструктуры [Электронный ресурс]. 2024. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70428>

² Путин рассказал об успехах России в развитии среды для людей с ограниченными

сделать предстоит еще многое, учитывая особые потребности людей с ОВЗ. Внимание к инвалидам, потребовал Президент, должно быть постоянным и не зависеть «от внешних событий»¹.

Согласно данным государственной статистики 2025 г., 11,4 млн граждан России имело ту или иную форму инвалидности. 784 тыс. из них — дети². В последние годы отмечается существенный рост детской инвалидности (с 610 тыс. в 2007 г.³). Поэтому речь пойдет о необходимости расширения форматов социальной поддержки людей с инвалидностью, что станет благом для всего социума.

Способность индивида и группы справляться с разрушающим воздействием хронического стресса, определяется жизнестойкостью (ЖС) - многомерным психосоциальным качеством личности, которое следует рассматривать как меру способности индивида сохранять внутренние опоры и продуктивность деятельности даже в условиях неблагоприятной внешней среды.

Традиционно основная масса исследований ЖС фокусировалась на индивидуальной составляющей, а социальные и общественные компоненты гораздо реже становились объектом изучения⁴. Но именно они имеют определяющее значение для морально-нравственного здоровья всего общества. При низких показателях ЖС вероятность потери работоспособности вследствие психосоматического заболевания в течение года оказалась равна 92,5 %, а при высокой — 1,1%⁵. Поэтому должен быть предложен комплекс общественных и государственных мер, направленных на анализ, учет и управление жизнестойкостью на государственном уровне.

При данных условиях особую значимость имеет возрастной аспект. Период до 18 лет является наиболее чувствительным для становления устойчивых моделей когнитивного регулирования⁶, ко-

возможностями здоровья [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2018. 11 дек. — URL: <https://ria.ru/20181212/1547882918.html>

¹ Путин В. В. Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 28 мая 2025. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77057>

² Голикова Т.А. Число людей с инвалидностью в России составляет 11,4 миллиона [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2025. 29 июля. URL: <https://ria.ru/20250729/golikova-2032156423.html>

³ Федеральная служба государственной статистики. Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, состоящих на учёте в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации [Электронный ресурс] // Росстат. 2025. URL: https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRnTjz52/Численность_детей-инвалидов_в_возрасте_до_18_лет_состоящих_на_учете_в_системе_Пенсионного_фонда.doc

⁴ Supke M. et al. Current evidence and future directions for social and societal resilience factors in response to societal challenges and crises: an overview of systematic reviews and expert rating. BMC Public Health. 2025 Nov 6;25(1):3816.

⁵ Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006, с. 7.

⁶ Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А. Жизнестойкость и ее диагностика. — М.: Смысл, 2016, — 159 с.

торые могут оказывать воздействие на длительный период в жизни ребенка. ЖС определяет, будет ли стресс разрушителен или окажется созидающим параметром. Это делает крайне важными раннюю поддержку в формировании ЖС и особое внимание государства и общества к этому возрастному периоду. В рамках социального аспекта управления развитием ЖС необходимо сформулировать два определения - социальная поддержка и социальная адаптация. И если первое означает систему государственных мероприятий, направленных на улучшение жизни индивида и на повышение его жизнестойкости, то второе - действия самого индивида по повышению своей жизнестойкости. В первом случае человек рассматривается как объект воздействия со стороны общества, в другом - как субъект взаимодействия с ним. ЖС является связующим звеном этих понятий. Социальная поддержка не должна приноситься в жертву социальной адаптации, и наоборот.

Недостаточная занятость людей с инвалидностью обходится бюджету России в значительную сумму: до 11,3 трлн. рублей в год в виде недопроизводства ВВП¹. Уровень безработицы среди инвалидов составил в 2024 г. 14,6%², по сравнению с 2,5% среди всего населения³. Государство добивается увеличения числа работающих инвалидов. Эту задачу решают службы занятости, которые создают специализированные программы для трудовой реабилитации людей с инвалидностью. Благодаря этому численность безработных инвалидов в РФ сократилась с 136239 человек в 2010 году до 17962 в 2024⁴.

Люди с высокой жизнестойкостью лучше применяют предоставленные государством средства — образование, трудоустройство, медицинскую помощь. Каждая денежная единица, вложенная в поддержку жизнестойкости людей с инвалидностью, приносит государству многократно больший доход. Например, годовые инвестиции в образование инвалида в МГТУ им. Баумана окупаются за 6,85 месяцев его трудовой деятельности⁵. Это можно рассматривать как один из наиболее ярких примеров единства социальной поддержки и адаптации при посредничестве ЖС. Жизнестойкость позволяет индивидам преобразовываться и расти в рамках общества. Хронический стресс при высоком уровне ЖС индивида следует рассматривать как механизм развития социума, мобилизующий личностные ресурсы, которые помогают лучше справляться со сложными ситуациями. Люди, адаптировавшиеся к длительному стрессу, способны разрабатывать

¹ Нацун Л.Н., Шабунова А.А. К вопросу об экономической цене инвалидности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2, с. 160-174.

² Труд и занятость в России. 2025: Стат.сб./Росстат - М., 2025, — с. 21.

³ Там же, с. 15.

⁴ Там же, с. 79.

⁵ Кавокин А.Ф. Профессиональная реабилитация инвалидов в России // Вопросы экономики. 2007, № 5, — с. 50–74.

новые стратегии поведения в неопределённой среде. Подобный стресс может служить детерминантой социального потенциала, поскольку активизирует креативные и когнитивные резервы индивида, способствуя выработке новых моделей поведения в изменяющейся среде¹. Развитие жизнестойкости является условием социальной адаптации, сохранения психического здоровья и эффективной профессиональной деятельности отдельного индивида. Более высокий доход, социально-экономический статус и воспринимаемая помощь обуславливают большую стойкость в трудных жизненных ситуациях².

В Российской Федерации социальную защиту людей с инвалидностью осуществляют государственные органы на основе целого законодательного комплекса, и в первую очередь, разработанного и внедренного еще на рубеже веков федерального закона №181-ФЗ от 24 ноября 1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»³. Сегодня открываются новые возможности для расширения методов развития личностного потенциала, которые должны рассматриваться как комплексная система вместе с медицинским обслуживанием. Это требует дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования и грамотного управления процессами, а также научного сопровождения, включающего мониторинг эффективности программ и оценку их воздействия на устойчивость участников. Речь идет о системе, которая будет формировать в гражданах жизнестойкость, что сделает их субъектами социальной адаптации и позволит приносить всестороннюю пользу обществу.

Для полноценного внедрения этих практик необходимо создание специализированной инфраструктуры управления развитием ЖС, нацеленной на изучение и формирование жизнестойкости, а также на развитие академического языка для социологического анализа данного понятия. Для эффективного функционирования будущей инфраструктуры управления развитием ЖС целесообразно предложить ряд прогностических и прикладных решений, направленных на формирование данной системы. На раннем этапе эти решения должны быть адресованы государственным органам для формирования ими юридической и информационной базы инфраструктуры управления развитием ЖС. Для этого необходимо:

- Разработать понятие, характеризующее конкретные социально-

¹ Лубовский Д.В. Жизнестойкость в связи с копинг-стратегиями и виктимностью подростков с хроническими заболеваниями и условно здоровых. Актуальные проблемы психологического знания. 2 (59). 2022, с. 99-113.

² Zhang, L. et al. Psychological resilience buffers the impact of economic decline on depression: A cross-sectional study during COVID-19 crisis // Front. Psychiatry. 2023.

³ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. 28.12.2022) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559

демографические проявления и эффективность инфраструктуры управления ЖС: «Добавочный ресурс жизнестойкости» (ДРЖ). Данный показатель должен демонстрировать степень прироста устойчивости индивида к социальным стрессорам в результате участия в программах, формирующих инфраструктуру управления ЖС, измеряемую через сравнительное исследование показателей ЖС до и после государственной поддержки. Еще один предлагаемый термин, характеризующий динамические свойства ДРЖ и потенциал его прироста: «Индекс адаптивной жизнестойкости» (ИАЖ). Он должен характеризовать потенциал индивида к дальнейшему развитию ДРЖ в зависимости от его социального окружения, доступных ресурсов и индивидуальных особенностей. Эти параметры позволяют прогнозировать эффективность оказываемой государственной поддержки в различных социальных условиях. Соответственно, предполагается, что ДРЖ будет иметь зависимость от ИАЖ. Основой данных понятий должен стать тот ресурс, который приобретается индивидом непосредственно благодаря его вовлечению в инфраструктуру управления ЖС (рост материального и духовного благополучия, самореализация, конструктивное преодоление трудных ситуаций и т.д.), где ДРЖ будет характеризовать конечный уровень усвоенного ресурса, а ИАЖ – потенциал его увеличения на основе имеющихся предпосылок.

- Закрепить в законодательстве Российской Федерации и дать юридическую трактовку понятий «Жизнестойкость», «Добавленный ресурс жизнестойкости», «Индекс адаптивной жизнестойкости», «Инфраструктура управления жизнестойкостью». Обоснование понятия «Жизнестойкость» необходимо для трактовки предложенных определений.

- Разработать федеральную и региональную системы раннего выявления угроз ЖС. Создать онлайн-платформу анализа данных общественного мнения, генеративных моделей, социально-экономических, демографических и психологических показателей, лежащих в основе ДРЖ и ИАЖ, а также их долговременной динамики. Образовать аналогичные системы на областном, краевом, республиканском уровнях, а также на уровне городов федерального значения, что позволит учитывать региональную и национальную специфику ДРЖ и ИАЖ.

- Создать Центр исследований жизнестойкости. Данное учреждение будет координировать изучение и внедрение прикладных технологий в области инфраструктуры управления ЖС.

Предложенный автором комплекс управленческих механизмов, объединяющий диагностику, образование, психологическую помощь, создание доступной среды и формирование смыслового пространства, позволит системно повысить уровень ЖС у людей с инвалидностью. Это, в свою очередь, обеспечит их эффективную социальную адаптацию, улучшит качество жизни и повысит устойчивость

российского общества в целом. Реализация данных рекомендаций будет способствовать формированию справедливого и устойчивого социального пространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Supke M, et al. Current evidence and future directions for social and societal resilience factors in response to societal challenges and crises: an overview of systematic reviews and expert rating. BMC Public Health. 2025 Nov 6;25(1):3816.
2. Zhang L. et al. Psychological resilience buffers the impact of economic decline on depression: A cross-sectional study during COVID-19 crisis // Front. Psychiatry. 2023.
3. Голикова Т.А. Число людей с инвалидностью в России составляет 11,4 миллиона [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2025. 29 июля. URL: <https://ria.ru/20250729/golikova-2032156423.html>
4. Кавокин А.Ф. Профессиональная реабилитация инвалидов в России // Вопросы экономики. 2007, № 5. – с. 50–74.
5. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006, с. 7.
6. Лубовский Д.В. Жизнестойкость в связи с копинг-стратегиями и виктимностью подростков с хроническими заболеваниями и условно здоровых. Актуальные проблемы психоогического знания. 2 (59). 2022, с. 99-113.
7. Нацун Л.Н., Шабунова А.А. К вопросу об экономической цене инвалидности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018, Т. 11. № 2, с. 160-174.
8. Федеральная служба государственной статистики. Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, состоящих на учёте в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации [Электронный ресурс] // Росстат. 2025. URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRnTjz52/Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда.doc](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRnTjz52/Численность%20детей-инвалидов%20в%20возрасте%20до%2018%20лет%20состоящих%20на%20учёте%20в%20системе%20Пенсионного%20фонда.doc)
9. Путин В. В. Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 28 мая 2025. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77057>
10. Путин В.В. Совещание по вопросам восстановления жилой инфраструктуры [Электронный ресурс]. 2024. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70428>
11. Путин рассказал об успехах России в развитии среды для людей с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2018. 11 дек. — URL: <https://ria.ru/20181212/1547882918.html>
12. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А. Жизнестойкость и ее диагностика. — М.: Смысл, 2016, — 159 с.
13. Труд и занятость в России. 2025: Стат.сб./Росстат - М., 2025, – 172 с.
14. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. 28.12.2022) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

REFERENCES

1. Supke M, et al. Current evidence and future directions for social and societal resilience factors in response to societal challenges and crises: an overview of systematic reviews and expert rating. *BMC Public Health*. 2025 Nov 6;25(1):3816.
2. Zhang L. et al. Psychological resilience buffers the impact of economic decline on depression: A cross-sectional study during COVID-19 crisis // *Front. Psychiatry*. 2023.
15. Golikova T.A. The number of people with disabilities in Russia is 11.4 million [*Chislo lyudey s invalidnost'yu v Rossii sostavlyayet 11,4 million*] [Electronic resource] // RIA Novosti. 2025. July 29. URL: <https://ria.ru/20250729/golikova-2032156423.html>
3. Kavokin A.F. Professional rehabilitation of disabled people in Russia [*Professional'naya reabilitatsiya invalidov v Rossii*] // *Voprosy ekonomiki*. – 2007, No. 5, – pp. 50–74.
4. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Resilience Test [*Test zhiznestoykost'*] — M.: Smysl, 2006, p. 7.
5. Lubovskiy D.V. Resilience in relation to coping strategies and victimhood of adolescents with chronic illnesses and conditionally healthy adolescents [*Zhiznestoykost' v svyazi s koping-strategiyami i viktimnost'yu podrostkov s khronicheskimi zabolevaniyami i uslovno zdorovykh*]. Aktual'nyye problemy psikhologicheskogo znaniya. 2 (59). 2022, pp. 99–113.
6. Natsun L.N., Shabunova A.A. On the issue of the economic cost of disability [*K voprosu ob ekonomicheskoy tsene invalidnosti*] // *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2018, Vol. 11. No. 2, - pp. 160–174.
7. Federal State Statistics Service. Number of disabled children under 18 years of age registered in the system of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation [*Chislo detey-invalidov v vozraste do 18 let, sostoyashchikh na uchyote v sisteme Fonda pensionnogo i sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii*] [Electronic resource] // Rosstat. 2025. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRnTjz52/Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда.doc>
8. Putin V.V. Meeting of the Council for the Development of Physical Culture and Sports [*Zasedanie Soveta po razvitiyu fizicheskoy kultury i sporta*] [electronic resource] / V. V. Putin. — Official Website of the President of Russia. May 28, 2025. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77057>
9. Putin V.V. Meeting on Issues of Restoring Residential Infrastructure [*Soveshchaniye po voprosam vosstanovleniya zhiloy infrastruktury*] [Electronic resource]. 2024. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70428>
10. Putin speaks about Russia's success in developing the environment for people with disabilities [*Putin rasskazal ob uspekhatkh Rossii v razvitii sredy dlya lyudey s ograniченными возможностями zdorovya*] [Electronic resource] // RIA Novosti. 2018. 11 Dec. — Available from the

Internet. — URL: <https://ria.ru/20181212/1547882918.html>

11. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A. Resilience and its Diagnostics [*Zhiznestoykost' i yeye diagnostika*]. — M.: Smysl, 2016, — 159 p.

12. Labor and Employment in Russia [*Trud i zanyatost' v Rossii*]. 2025: Stat.sb./Rosstat - M., 2025. — 172 p.

13. Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 "On the Social Protection of Disabled People in the Russian Federation" (as amended on December 28, 2022) [*Federal'nyy zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ «O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii»* (red. 28.12.2022)] [Electronic resource] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

XIV Международная научно-практическая конференция "Актуальные вопросы науки, общества и образования". Для участия материалы принимаются до 20 августа 2026 года включительно.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Тенденции, факторы и механизмы повышения эффективности научных исследований в России". Материалы для участия в конференции принимаются до 13 сентября 2026 г. включительно.

Международная научно-практическая конференция "Цифровизация: новые тренды и опыт внедрения". Окончание срока приема документов для участия - 24 августа 2026 г.

Международная научно-практическая конференция "Кооперация науки и общества – путь к модернизации и инновационному развитию". Материалы для участия необходимо отправить до 29 августа 2026 года включительно.

XXXXVII Международная научно-практическая конференция "Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности". Срок подачи материалов до 30 сентября 2026 г. включительно. DOI, Google Scholar

XXVII Международная научно-практическая конференция "Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы". Прием документов для участия в конференции осуществляется по 15 сентября 2026 года.

Национальная (Всероссийская) научно-практическая конференция с международным участием "Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях". Подать документы для участия необходимо по 22 августа 2026 г.

XIX Международная научно-практическая конференция "Society, science, practice". Документы для участия принимаются до 14 сентября 2026 года включительно.

XXXXVII Международная научно-практическая конференция "Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности". Срок подачи материалов до 30 сентября 2026 г. включительно.

XXVIII Международная научно-практическая конференция

"Современные исследования: теория, практика, результаты". Окончание срока приема документов для участия - 2 октября 2026 года.

XXV Международная научно-практическая конференция "Концепция устройства современного мира в эпоху цифры". Статьи и материалы принимаются до 03 сентября 2026 г. включительно.

IV Всероссийская научно-практическая конференция "Все-российские педагогические чтения 2026". Срок приема материалов для участия в конференции - 20 августа 2026 г.¹

¹ Подробности на сайте <http://www.kon-ferenc.ru>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

<https://www.rupoisk.su/>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

<https://www.rupoisk.su/>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск №3(116)
Май-Июнь 2026 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва,
ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: abp-rut@yandex.ru
Сайт в интернете: www.rupoisk.su/